

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ: ДО 1917 Г.

Рекомендовано редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» в качестве учебного пособия для обучающихся по основной образовательной программе высшего образования по направлению подготовки 46.03.01 История

САМАРА

Издательство Самарского университета

2025

УДК 930.1(47)(075)
ББК Т1(2)4я7+Т1(2)5я7
Л478

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. Е. П. Баринова,
д-р ист. наук, проф. Н. Ф. Тагирова

Леонтьева, Ольга Борисовна

Л478 **История исторической науки в России: до 1917 г.:**
учебное пособие / *О. Б. Леонтьева*. – Самара: Издательство
Самарского университета, 2025. – 116 с.

ISBN 978-5-7883-2208-7

В пособии рассматриваются ключевые этапы развития исторического знания в России от XII до начала XX в. Характеризуются важнейшие направления и школы отечественной исторической науки, концептуальные построения крупнейших российских историков.

Предназначено для обучающихся бакалавриата по направлению подготовки 46.03.01 История. Соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Подготовлено на кафедре российской истории.

УДК 930.1(47)(075)
ББК Т1(2)4я7+Т1(2)5я7

ISBN 978-5-7883-2208-7

© Самарский университет, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1. ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ИСТОРИОГРАФИЯ) КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА	8
1.1. Предмет и задачи историографии	8
1.2. Понятийный аппарат и методика историографического исследования.....	12
1.3. Основные этапы развития историографии как научной дисциплины в России.....	14
Вопросы для самопроверки	20
Рекомендуемая литература	20
2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В XII-XVII ВВ.	22
2.1. Летописи как историографический источник	22
2.2. Исторические сочинения XV-XVI вв.....	27
2.3. Русская историческая мысль XVII в.	31
Вопросы для самопроверки	35
Историографические источники	36
Рекомендуемая литература	37
3. СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В XVIII В.	39
3.1. Условия формирования исторических знаний в XVIII в.	39
3.2. Поиск и публикация исторических источников.....	40
3.3. Зарождение источниковедения.....	42
3.4. Исторические концепции XVIII в.: общая характеристика.	44
Вопросы для самопроверки	47
Историографические источники	48
Рекомендуемая литература	48
4. РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	49
4.1. Условия развития отечественной исторической науки в первой половине XIX в.	49
4.2. Н.М. Карамзин и его «История государства Российского»	53

4.3. Историческая наука в России 1830-1840-х гг.: «посткарамзинский период».....	56
4.4. Научные школы	59
Вопросы для самопроверки	61
Историографические источники	61
Рекомендуемая литература	62
5. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.....	63
5.1. Условия развития исторической науки в России середины и второй половины XIX в.	63
5.2. Государственно-юридическая школа в российской исторической науке	64
5.3. Историческая концепция С.М. Соловьева.....	68
5.4. Демократическое направление в российской исторической науке	71
Вопросы для самопроверки	74
Историографические источники	74
Рекомендуемая литература	75
6. НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX В.....	76
6.1. Позитивизм в научной мысли XIX в.	76
6.2. «Московская школа» («школа Ключевского»)	77
6.3. «Петербургская школа» в исторической науке	85
Вопросы для самопроверки	89
Историографические источники	90
Рекомендуемая литература	90
7. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.....	92
7.1. Дискуссия о «кризисе исторической науки» начала XX в.....	92
7.2. Марксизм в российской исторической науке рубежа XIX-XX вв.....	94

7.3. Методологический поворот в исторической науке.....	98
Вопросы для самопроверки	102
Историографические источники	103
Рекомендуемая литература	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	105
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	108

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлению «История» и призвано помочь в подготовке к учебным занятиям и промежуточной аттестации по дисциплине «История исторической науки в России: до 1917 г.».

Объект изучения в рамках настоящего курса составляет история исторического знания – «различных форм познания и восприятия прошлого в их историческом развитии..., ключевых проблем истории исторической мысли, особенностей различных форм историописания»¹.

В качестве *предмета изучения* в рамках данного курса выбрана история становления и развития исторической науки в России.

Хронологические рамки курса охватывают период с начала XII в. – времени создания наиболее раннего из дошедших до нас летописных памятников древнерусской культуры, «Повести временных лет», – до революции 1917 года.

Целью изучения дисциплины является формирование у студентов уровня научной культуры, необходимого, чтобы уметь ориентироваться в проблематике и концептуальных подходах российской исторической науки, творчески применять полученные знания и умения в своей профессиональной деятельности.

Задачи курса заключаются в следующем:

– сформировать систематизированные знания об основных этапах развития отечественной исторической науки до 1917 г. в контексте развития мировой исторической науки; о проблематике научных исследований и основных концепциях в области отечественной и всеобщей истории, разработанных отечественными

¹ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. С. 3.

учеными; о важнейших подходах к интерпретации прошлого, предложенных отечественными учеными в период до 1917 г.;

– развить *умение* вычленять проблематику и концептуальные подходы конкретных научных исследований и определять их роль и место в развитии научного знания;

– выработать *навыки* уверенного владения концептуально-понятийным инструментарием историографии, теорией и практикой историографического исследования, методикой историографического анализа и синтеза.

В пособии рассматриваются ключевые этапы развития исторического знания в России, его постепенной профессионализации и становления истории как научной дисциплины. Характеризуются важнейшие направления и школы отечественной исторической науки, концептуальные построения крупнейших российских историков.

Пособие содержит вопросы для самопроверки и список рекомендуемой литературы.

1. ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ИСТОРИОГРАФИЯ) КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1.1. Предмет и задачи историографии

Память о прошлом присуща любой человеческой культуре. Подобно тому, как личностное самосознание человека немыслимо без индивидуальной памяти, а потеря памяти считается одним из самых больших несчастий, так и самосознание общества невозможно без знаний о прошлом и образов прошлого, живущих в исторической памяти.

Историческое знание, то есть знание о развитии человеческого общества в режиме исторического времени, может носить как научный, так и вненаучный характер. Вненаучное знание о прошлом по своему характеру может быть, например, архаично-мифологическим, религиозным, философским, политико-идеологическим, художественно-эстетическим, или, наконец, массовым, обыденным².

Различия между вненаучным и научным историческим знанием определяются тем, что выступает в качестве *источника знания* о прошлом, каковы *способы получения* этого знания и его преобладающие *социальные функции*. Для вненаучного исторического знания в качестве источников знания о прошлом могут выступать мифы, легенды, предания или религиозное откровение, содержание которых при этом не подвергается научной критике. Вненаучное знание о прошлом выполняет прежде всего важные социальные функции: *идентификационную* (осознание принадлежности к группе, включающей не только современников, но и предков), *легитимационную* (объяснение происхождения социальных инсти-

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб.: Алетейя; М.: ВШЭ, 2008. С. 407–413.

тутов, обоснование задач и интересов того или иного сообщества), *воспитательную* (передача значимого социального опыта).

Однако в развитии человеческой культуры наступает период, когда от знания о прошлом, как и от знания о мире в целом, требуется достоверность, объективность, правдивость. Эта потребность и приводит к возникновению *исторической науки*.

Отличительными признаками научного исторического знания являются нацеленность на постижение объективной (общезначимой) истины; стремление к получению достоверного (верифицируемого) знания о прошлом на основе анализа исторических источников с помощью специальных методов; научная рефлексия, то есть способность критически оценить достигнутый прежде уровень исторических знаний.

Развитие любой науки, занимающейся изучением человеческого общества, возможно лишь объединенными усилиями многих ученых и разных научных школ, лишь силами поколений, стоящих на плечах друг у друга. Прежде чем предложить собственную версию или гипотезу, мы должны знать, что сделали в этом направлении наши предшественники, знать о спорных и невыясненных вопросах, о различающихся точках зрения на одно и то же историческое событие или явление, на одного и того же исторического деятеля; стараться понять причины этих расхождений. Именно этим и занята одна из специальных отраслей исторической науки — *история исторической науки*, или, как ее называют в соответствии со сложившейся традицией, *историография*.

Сам термин историография (от греч. *ιστορία* — рассказ и *γράφω* — пишу) в буквальном смысле означает «историописание». Первоначально историографами называли всех историков. В Европе с XV в. существовало звание «королевский историограф», присваивавшееся лицу, которому монарх поручает написание истории государства. В Российской империи официальное

звание историографа имели Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов.

В середине XIX в., в ходе процесса специализации исторической науки и дифференциации исторических дисциплин, значение термина «историография» меняется: под историографией стали понимать одну из исторических дисциплин – историю исторической науки.

В современной науке термин «историография» используется в нескольких значениях. В широком смысле слова под историографией понимают одну из отраслей исторической науки, специальную историческую дисциплину, изучающую историю исторической науки, а также историю накопления и развития исторических знаний. В узком смысле слова под историографией понимают совокупность научных исследований, посвященных определенной исторической проблематике: например, историография петровских реформ, историография славянофильства, историография нэпа, историография Великой Отечественной войны и т. д. Историографический обзор, то есть обзор научной литературы по какой-либо проблеме, является необходимой составляющей частью любого исторического исследования – от студенческой курсовой работы до многотомного академического труда.

Представления о предмете изучения историографии постепенно расширяются. В учебнике «Русская историография», впервые опубликованном в 1941 г., Н.Л. Рубинштейн сформулировал задачи этой научной дисциплины таким образом: «...правильно определить основную линию развития исторической науки, ее определяющие звенья, ее ведущих представителей»³. В 1950-е гг. Л.В. Черепнин дал следующее определение историографии: «Историография – наука, которая изучает развитие исторической

³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 3–4.

науки в целом в какой-либо стране или в ряде стран, выясняет, как постепенно складывались представления о прошлом человечества, о развитии человеческого общества»⁴. Как видим, Л.В. Черепнин включил в предметное поле историографии не только историю исторической науки, но и историю формирования *представлений о прошлом*, которые могли и не носить научного характера. Согласно определению С.О. Шмидта, сформулированному в 1960-е гг. в ходе дискуссии о предмете изучения историографии, «предмет историографии включает в себя и историю создания исторических сочинений, и биографию историка (так как жизнь историка неотделима от его трудов), и историю распространения исторических знаний..., проникновения знаний об историческом процессе в среде тех, для кого историк создает свои труды»⁵ – а следовательно, не только историю исторической науки как таковой, но и историю исторического образования, просвещения, популяризации исторических знаний.

Для современного этапа развития исторической науки характерен максимально широкий подход к определению предметного поля историографии. Так, авторы учебного пособия «История исторического знания» ставят своей задачей проследить, «...как формы познания прошлого менялись в ходе развития общества... от истоков в культуре древних цивилизаций до настоящего времени»⁶. В данном случае в сфере интересов исследователей оказываются не только научные, но также донаучные и вненаучные формы познания исторического прошлого.

⁴ Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века: Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 3–4.

⁵ Шмидт С.О. О предмете советской историографии и некоторых принципах ее периодизации // История СССР. 1962. № 1. С. 94.

⁶ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004. С. 3.

Предметное поле современной историографии включает широкий блок проблем, среди которых можно выделить следующие:

- влияние на историческую науку *социокультурного контекста* эпохи;
- история развития исторической науки как *отрасли знания*: расширение тематики научных исследований, вовлечение в научный оборот новых источников, совершенствование методов исследования, ход научных дискуссий, изменение стиля научных работ;
- история исторической науки как *социального института*: организационные формы научной работы, профессиональная подготовка историков, издание научных трудов;
- история *самых историков* – их жизни, творчества, общественной деятельности;
- «*научный быт*» – повседневная реальность, в которой протекает исследовательская работа;
- роль исторической науки в формировании *исторического сознания общества*.

1.2. Понятийный аппарат и методика историографического исследования

История исторической науки обладает своим понятийным аппаратом. Важнейшее его понятие – *историографический источник*: источник, в котором выражены исторические взгляды и представления людей; памятник исторической мысли.

Основной массив историографических источников составляют научные труды историков: монографии, научные статьи, диссертации и авторефераты диссертаций, материалы научных конференций, черновики научных работ и так далее. В этом смысле понятийный аппарат историографии отчасти парадоксален: исто-

рические труды, которые мы обычно называем «*историографией темы*», для истории исторической науки являются *источниками*.

Кроме того, для воссоздания истории исторической науки используются и источники других типов, в которых также могут найти отражение исторические взгляды и концептуальные представления историков:

- источники личного происхождения: мемуары, дневники, письма ученых;
- делопроизводственные документы: например, протоколы заседаний научных обществ, стенограммы научных дискуссий и т.д.

Еще одно ключевое понятие истории исторической науки, *историографический факт*, используется в нескольких значениях. Одни исследователи понимают под историографическим фактом отдельно взятый труд историка (например, «Историю России с древнейших времен» С.М. Соловьева или «Курс русской истории» В.О. Ключевского), другие – концепцию ученого, воплощенную в его исторических трудах (соответственно, концепцию «борьбы леса и степи», разработанную С.М. Соловьевым, или периодизацию российской истории по этапам колонизации новых территорий, предложенную В.О. Ключевским).

Характеризуя методику историографического исследования, необходимо прежде всего назвать два специфических метода, свойственных именно этой отрасли исторической науки: *историографический анализ* и *историографический синтез*. Под *историографическим анализом* понимается реконструкция концепции какого-либо отдельно взятого историка; под *историографическим синтезом* – реконструкция научных школ и направлений, воссоздание истории изучения определенной проблематики.

Кроме того, в историографических исследованиях широко применяются и другие методы исторического исследования:

- историко-генетический метод – для изучения формирования научных школ, становления концепций и т.д.;
- ретроспективный анализ – для выявления элементов научных концепций, разработанных в прошлом, но сохранившихся в трудах современных ученых;
- перспективный анализ – для прогнозирования дальнейшего развития исторической науки;
- историко-биографический метод – для изучения биографий отдельных ученых в контексте их эпохи;
- просопографический метод – для изучения «коллективных биографий» историков одного поколения, представителей одной научной школы и т.д.

Современная историография активно осваивает междисциплинарные подходы, работая на стыке с такими гуманитарными науками, как философия познания и философская антропология, социология науки и социальная психология, культурология и лингвистика. Методы этих наук позволяют историкам проникнуть в характер научного мышления историков других времен.

1.3. Основные этапы развития историографии как научной дисциплины в России

Становление историографии как научной дисциплины является показателем зрелости исторической науки: для того, чтобы сформировалась потребность в научной рефлексии, в осмыслении пройденного исторической наукой пути, необходимо, чтобы в обществе уже существовала сложившаяся традиция научных исследований.

Зарождение историографии в России относится ко второй половине XIX в. Ее основоположником можно считать великого русского историка Сергея Михайловича Соловьева: в середине столетия он публикует работы «Писатели русской истории XVIII в.» (1855; в данной работе рассматривались труды А.И. Манкиева,

В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, Ф.А. Эмина, И.П. Елагина и митрополита Платона Левшина), «Н.М. Карамзин и его литературная деятельность» (1853-1856), «Шлецер и антиисторическое направление» (1857), а также статьи о Г.Ф. Миллере и М.Т. Каченовском. Как можно убедиться, история исторической науки в России, с точки зрения С.М. Соловьева, охватывала период с начала XVIII в. до 1840-х гг.

В 1880-е гг. увидели свет новые историографические труды, очень разные по своей проблематике: «Биографии и характеристики» К.Н. Бестужева-Рюмина (1882) и «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» М.О. Кояловича (1884). Если К.Н. Бестужев-Рюмин посвятил свою работу рассмотрению научных трудов ученых-историков (В.Н. Татищева, А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, С.М. Соловьева, С.В. Ешевского, А.Ф. Гильфердинга), то М.О. Кояловича интересовали самые разнообразные формы сохранения исторической памяти и представлений о прошлом: от древнерусских летописей до публицистических произведений.

Формирование российской историографии как особой отрасли исторического знания можно датировать рубежом XIX–XX вв., когда эту дисциплину начали преподавать в университетах. В этот период были опубликованы «Лекции по русской историографии» В.О. Ключевского – текст курса, который он читал в Московском университете. В 1898 г. вышел в свет труд П.Н. Милюкова, ученика В.О. Ключевского, «Главные течения русской исторической мысли», также написанный на основе лекций, которые Милюков читал в Московском университете в 1880-е гг. Если В.О. Ключевский ограничивал свой курс рассмотрением трудов историков XVIII века – Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.Л. Шлёцера и некоторых дру-

гих, – то П.Н. Милюков начинал отсчет истории русской исторической мысли с «Синописа» Иннокентия Гизеля – обзора русской истории, появившегося в конце XVII в., затем подробно рассматривал труды историков XVIII в., «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина и период развития исторической науки «после Карамзина»; свой труд П.Н. Милюков завершил рассмотрением начала дебатов западников и славянофилов в 1830-е гг. В 1891–1908 гг. увидел свет монументальный двухтомный (в четырех книгах) «Опыт русской историографии» В.С. Иконникова: энциклопедически полный обзор истории формирования исторических знаний в России – от эпических сказаний и летописей до становления академической науки. Труд Иконникова содержал практически исчерпывающую для конца XIX в. информацию о собраниях исторических источников, архивных, библиотечных и музейных коллекциях России, а также о коллекциях источников по российской истории, хранящихся в зарубежных странах; о научных обществах, занимающихся изучением истории, и периодических изданиях по истории; об истории архивного и музейного дела в России.

В *советский период* развитие историографии, как и других исторических дисциплин, происходило под сильнейшим влиянием марксистско-ленинской идеологии. Историк М.Н. Покровский, основатель и первый руководитель Института красной профессуры, предпринял попытку переосмыслить историю исторической науки на основе концепции классовой борьбы. В его авторском сборнике «Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические статьи и заметки)» (М., 1933), в изданном под его редакцией коллективном труде «Русская историческая литература в классовом освещении» последовательно проводилась идея, что «всякое историческое произведение есть прежде всего образчик известной идеологии», и каждый дореволюцион-

ный историк является по сути своей выразителем и защитником интересов того или иного общественного класса⁷. Так, российских историков XVIII века Покровский считал идеологами «торгового капитала»; славянофилов – выразителями позиции помещиков, Н.И. Костомарова, А.П. Щапова и В.И. Семевского – мелкобуржуазными идеологами, а историков «государственной школы» С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина – защитниками интересов промышленной буржуазии. Из этого следовал вывод о том, что труды «помещичьих» и «буржуазных» историков более не нужны в стране победившего пролетариата: «Лет через пятнадцать-двадцать читать Соловьева и Ключевского перестанут, как теперь уже никто не читает уже Карамзина», – предсказывал Покровский⁸; историография расценивалась в таком случае как отмирающая наука.

Классификация дореволюционной российской исторической науки как «дворянской» («помещичьей») и «буржуазной» сохранялась в советской историографии даже после того, когда в 1939–1940 гг. исторические взгляды М.Н. Покровского были официально осуждены как «антимарксистские».

«Реабилитация» историографии как научной дисциплины состоялась в 1940-е гг., когда были опубликованы учебные пособия по отечественной и зарубежной историографии для вузов: «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней» О.Л. Вайнштейна (М.; Л., 1940) и «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна (М., 1941). В 1946 г. была создана Комиссия по истории исторической науки Академии наук СССР; в 1958 г. – Научный совет «История исто-

⁷ Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4 кн. Кн.4: Лекции, статьи, речи. М.: Мысль, 1967. С. 280.

⁸ Русская историческая литература в классовом освещении: сборник статей / с предисл. и под ред. М. Н. Покровского. М.: Изд-во Коммунистической акад., 1927. С. 5.

рической науки» Отделения Истории Академии наук СССР, председателем которого стала академик М.В. Нечкина. В 1953 г. историография была выделена в номенклатуре научных специальностей как особая специальность научных работников по историческим наукам.

Период с конца 1950-х до конца 1980-х гг. стал временем интенсивного развития советской историографии. Создавались новые учебные пособия и курсы лекций по истории исторической науки в России до 1917 г.: «Русская историография до XIX в.» Л.В. Черепнина (М., 1957); «Русская историография в период империализма» (Л., 1962) и «Историография с древнейших времен по XVIII в.» (Л., 1982) А.Л. Шапиро; «Историография истории СССР. Досоветский период» А.М. Сахарова (М., 1978). На протяжении 30 лет (1955–1985) выходили в свет 5-томные «Очерки истории исторической науки в СССР», охватывавшие период развития исторических знаний с древнейших времен до 1960-х гг.; главным редактором этого фундаментального издания, начиная со второго тома, была М.В. Нечкина. Появились первые обобщающие труды не только по истории исторической науки, но и по истории самой историографии⁹. Шли интенсивные дискуссии о предмете историографии, о содержании понятий «историографический источник», «историографический факт»; участниками этих дискуссий были такие видные ученые, как С.О. Шмидт, А.М. Сахаров, М.В. Нечкина. Сформировалась традиция историко-биографических исследований, посвященных видным отечественным ученым-историкам. Была осознана значимость изучения ис-

⁹ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983. 216 с.

торических взглядов и концепций не только профессиональных историков, но и творческой интеллигенции¹⁰.

Для современного периода в развитии отечественной историографии характерны междисциплинарные исследовательские проекты, предполагающие объединение историографии и наукоедения, социологии науки, интеллектуальной истории и других гуманитарных дисциплин. Внимание современных специалистов в сфере историографии привлекают переходные периоды в истории исторической науки: например, становление профессиональной исторической науки в Российской империи XVIII в. или период методологических поисков, смены парадигм научных исследований в отечественной науке начала XX в. Сформировалось особое направление историографии – изучение истории научных школ, сложившихся в российской исторической науке середины XIX – начала XX в. Появляются новые обобщающие труды по истории исторической науки в России, где смысловым стержнем становится история становления, развития и смены научных школ и направлений¹¹ (Очерки истории отечественной исторической науки XX века). Предметом исследования становится также роль исторической науки в формировании коллективной памяти общества¹².

История исторической науки продолжает активно развиваться, расширяя проблемное поле, обогащая методологический арсенал за счет инструментария других гуманитарных и социальных наук. Важнейшей ее задачей является понимание характера исто-

¹⁰ Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. 383 с.

¹¹ Очерки истории отечественной исторической науки XX века / С. П. Бычков и др.; под ред. В. П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 683 с.

¹² Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. 251 с.; Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 799 с.

рического мышления людей других эпох, воссоздание внутренней логики его развития. При решении любых задач и на всех стадиях исследования история исторической науки, как и другие исторические науки, остается прежде всего *наукой о человеке во времени*.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы важнейшие особенности научного исторического знания, отличающие его от вненаучных представлений об истории?
2. В каких значениях используется в современной науке термин «историография»? Как изменялось значение этого термина с ходом времени?
3. Что изучает историография как научная дисциплина? В чем заключаются различия между «историей исторической науки» и «историей исторического знания»?
4. Что представляет собой историографический источник? Какие виды историографических источников используются в современных научных исследованиях?
5. Раскройте содержание понятия «историографический факт».
6. Назовите и охарактеризуйте основные методы историографического исследования.
7. Методы каких гуманитарных и социальных наук могут применяться в историографических исследованиях?
8. Дайте характеристику основных этапов становления и развития истории исторической науки в России.

Рекомендуемая литература

1. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2008. – 799 с.
2. Маловичко, С.И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2013. – 251 с.

3. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / С.П. Бычков и др.; под ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 683 с.

4. Репина, Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М. Ю. Парамонова; под общ. ред. Л.П. Репиной. – Москва: Дрофа, 2004. – 288 с.

5. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 802 с.

6. Савельева, И.М. Теория исторического знания: Учеб. пособие / И.М. Савельева, А.В. Полетаев – Санкт-Петербург : Алетеия; Москва: ВШЭ, 2008. – 522 с.

2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В XII–XVII ВВ.

2.1. Летописи как историографический источник

На протяжении многих веков господствующей формой сохранения знаний и представлений о прошлом в отечественной культуре были *летописи* – исторический жанр средневековой литературы, представляющий собой погодную запись событий.

Исследователи по-разному определяют, что такое летопись. Для одних летопись – это прежде всего исторический источник, сохранивший сведения о событиях и фактах истории Древней Руси. Для других летопись – литературный памятник, произведение культуры. Для третьих, наконец, это историографический источник, несущий в себе информацию о специфике исторических знаний и представлений средневекового человека.

Очевидно, что каждая из этих точек зрения справедлива по-своему. Как определил Н.Л. Рубинштейн, летописи «являются и источником – свидетельством о фактах, и историографическим памятником – свидетельством об уровне исторических взглядов, исторического понимания эпохи»¹³.

Можно выделить ряд особенностей летописей, в которых проявляется их двойственная природа – как исторического источника и как памятника исторической мысли.

Летописи представляют собой источники-памятники: целью их создания было сохранение исторической памяти. Повествование в летописях, как правило, носит погодный характер, но в них возможны вставки риторического характера или сюжетные отступления, охватывающие события длительного периода. Дошедшие до нас летописи обычно представляют собой объединение

¹³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 18.

текстов, созданных в разное время разными авторами. Каждый следующий летописец продолжал текст с того места, где остановился его предшественник; рукопись, начатая в одном древнерусском княжестве, могла в силу обстоятельств быть продолжена в другом (что и породило такое явление, как «летописный свод» – см. далее). Тексты летописей, как правило, анонимны, или же в них указывается только последний по времени из авторов. Важной особенностью летописей является отсутствие указаний на источники информации (за редкими исключениями, об одном из которых будет рассказано далее). Наконец, в литературном отношении летописи отличаются использованием устойчивых стилистических формул при описании важных исторических событий. Д.С. Лихачев называл это явление «литературным этикетом», считая его проявлением свойственного средневековому обществу подчинения жизни традиции, обычаю, церемониалу¹⁴. Современный исследователь древнерусских летописей И.Н. Данилевский считает, что большинство древнерусских текстов построены как *целтоны* – на основе сознательного повторения и копирования образцов, использования прямых и косвенных цитат из предшествующих текстов: Священного Писания, византийских хроник, поэтических произведений и др., сочетание которых в конечном итоге образовывало новый текст¹⁵.

В изучении летописей выработался свой понятийный аппарат. Приведем наиболее важные понятия:

- *Летописный свод* – сложный по составу летописный памятник; сведение в единое повествование разных летописей, житийных произведений, исторических повестей, поучений.

¹⁴ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. С. 80–102.

¹⁵ Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 11–13.

- *Летописные списки* – рукописные копии одного и того же исходного текста, выполненные в разное время, которые могут существенно отличаться друг от друга.
- *Летописные изводы* – различные редакционные версии исходного летописного текста.

Древнейшая дошедшая до нас древнерусская летопись носит название «Повесть временныхъ лет черноризца Федосьева манастиря Печерьскаго, откуда есть пошла Руская земля <...> и хто в ней почаль первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». Все известные на данный момент тексты «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) дошли до нас в составе летописных сводов. Наиболее известные летописные своды, в которые включена ПВЛ, – Лаврентьевская летопись (сост. в 1377 г., название получила по имени ее последнего составителя – монаха Лаврентия), и Ипатьевская летопись (сост. в конце 1420-х гг., название получила по Ипатьевскому монастырю под Костромой, где она была найдена). В составе Лаврентьевской летописи повествование ПВЛ доведено до 1110 (1112 - ?) года и указано авторство «Нестора черноризца Федосьева манастиря Печерского»; в составе Ипатьевской летописи повествование ПВЛ доведено до 1117 г. и указано авторство Сильвестра, игумена Выдубецкого монастыря в Киеве, по всей видимости, дополнившего и доработавшего текст Нестора.

ПВЛ включает в себя недатированную и датированную части. Недатированная часть содержит рассказы о разделе земли между сыновьями патриарха Ноя, о вавилонском столпотворении и смешении языков (когда, по мнению летописца, возник и славянский язык), о расселении славянских племен, о маршруте торгового пути «из варяг в греки», о посещении «гор Днепровских» апостолом Андреем, и, наконец, об основании Киева. Датированная часть охватывает период с 852 (в некоторых списках – с 860) по 1110-е гг. и содержит повествования о призвании варягов в Новгород,

о княжении Олега, Игоря, Ольги, Святослава; об усобицах сыновей Святослава и победе Владимира; о крещении Руси князем Владимиром; об усобицах сыновей Владимира и победе Ярослава; о княжении Ярослава, об усобицах его сыновей, о нашествии половцев 1093 г., княжеском съезде 1103 г. и успешном походе против половцев, наконец (в редакции Сильвестра) – о восстании в Киеве и призвании на княжение Владимира Мономаха в 1113 г.

Исследователи выявили круг источников, которыми пользовался автор (или, скорее, авторы) ПВЛ. В их числе – византийские хроники: «Хронография» Иоанна Малалы (VI в.), «Хроника» Георгия Амартола (IX в.), «История» Льва Диякона (вт. пол. X в.); исторические документы (договоры Руси с Византией, текст «Русской Правды»); местные топонимические и топографические предания, указывающие, где происходило то или иное событие, в честь кого названо то или иное место и где похоронен тот или иной князь; личные рассказы участников событий (под 1106 г. летописец помещает рассказ о киевском тысяцком Яне Вышатиче: *«у него же аз слышах многа словеса, яже вписах в летописицу»*). Согласно гипотезам Н.И. Костомарова и Д.С. Лихачева, при создании летописей использовались также тексты дружинных песен и героических сказаний.

Историческая концепция ПВЛ носит целостный характер. В центре повествования – история происхождения «Русской земли», возникновения государства и княжеской династии, принятия христианства на Руси. В тексте явно выражен провиденциализм – исторический процесс предстает как воплощение божественного промысла. Согласно исследованиям Б.А. Успенского, Русская земля описывается в летописях как сакральное пространство, «святая земля»; поэтому при описании событий русской истории летописцы ориентируются на библейские прецеденты. Так, убийство князей Бориса и Глеба их братом Святополком трактуется как повто-

рение описанного в «Книге Бытия» убийства Каином своего брата Авеля. Автор Несторовой редакции ПВЛ был очевидцем половецкого нашествия 1093 г. и для объяснения этих трагических событий сформулировал развернутую концепцию «казней Божиих», согласно которой вражеские набеги и разорение русских земель являются карой свыше за грехи (*«Это Бог напустил на нас поганных, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. ... это ведь бич Божий, чтобы мы смирились, опомнившись на пути зла»*) и в то же время служат проявлением милости Бога к русским людям – те, кто понес наказание за грехи в земной жизни, будут помилованы в будущей жизни, *«ибо не мстит Господь дважды за одно и то же»*.

Долгое время, в течение XVIII – первой половины XIX в., исследователи считали ПВЛ целостным произведением, принадлежащим перу Нестора. Позже в науке утвердилось восприятие ПВЛ как сложного по составу памятника, фактически летописного свода, сложившегося на основе нескольких более ранних текстов; первым такую концепцию обосновал К.Н. Бестужев-Рюмин. Так, согласно реконструкции А.А. Шахматова, созданию ПВЛ предшествовал Начальный свод 1093–1095 гг., а ему, в свою очередь – Печерский свод 1073 г. и Древнейший Киевский свод 1037–1039 гг. По мнению Д.С. Лихачева, в тексте ПВЛ можно вычленить фрагменты, объединенные общей темой и стилем повествования и предположительно входившие некогда в состав единого текста – «Сказания о распространении христианства на Руси» (1037–1043 гг.). По версии Б.А. Рыбакова, у истоков русского летописания стоял киевско-новгородский свод 996–997 гг., составленный, в свою очередь, на основе записей, которые велись с конца IX века.

В Древней Руси создавались также *нелетописные исторические произведения*, повествовавшие о каком-либо конкретном историческом событии и не имевшие жесткой датировки. К ним от-

носят *сказания*, *повести* (сюжетные повествования) или же *слова* (риторические рассуждения на какую-либо тему): например, «Слово о законе и благодати» (между 1037 и 1050 гг., автор – митрополит Иларион); «Сказание о Борисе и Глебе» (сер. XI в., Иаков Черноризец – ?); «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» (1175–1177 гг.); «Слово о полку Игореве» (после 1185 г.); «Слово о гибели Русской земли» (между 1238 и 1246 гг.); «Повесть о разорении Рязани Батыем» (сер. XIII в. – перв. пол. XIV в.).

На протяжении XII–XV вв. летописание велось в разных русских землях. Так, Лаврентьевская летопись включает в себя, помимо текста ПВЛ в Несторовой редакции, также летопись с южно-русскими известиями 1110–1161 гг. и летопись о событиях во Владимиро-Суздальской Руси (Владимирский свод) 1164–1304 гг. В состав Ипатьевской летописи входят, помимо текста ПВЛ в редакции Сильвестра, Киевская летопись XII в. и Галицко-Волынская летопись, доведенная до 1292 г. Богатая летописная традиция была создана в Новгороде: известно несколько новгородских летописей (Новгородская I старшая, Новгородская I младшая, Новгородские II–V), причем в некоторых повествование доведено до XVI–XVII в.

2.2. Исторические сочинения XV–XVI вв.

Объединение русских земель вокруг Москвы потребовало и объединения исторической памяти – сведения в единое целое повествований из разных летописей. С конца XIV в. в Москве предпринимаются последовательные попытки создания *общерусских летописных сводов*: к ним относят «Летописец Великий Русский» (создан до 1389/1390 г., утрачен); Троицкая летопись (1408 г., сгорела в пожаре Москвы 1812 г.); Фотиев Полихрон (1418 г., реконстр. М.Д. Приселкова); митрополичьи общерусские своды (1448, 1456 гг., реконстр. М.Д. Приселкова); Московские великокняже-

ские своды (1472, 1479 гг., реконстр. А.А. Шахматова); наконец, Воскресенский свод (текст доведен до 1533 г., сохр. список XVII в.) и Никоновский свод (текст доведен до 1556-1558 гг., сохр. список XVII в.).

Вершиной работы над общерусскими летописными сводами становится Лицевой свод, созданный в 1560–1570-е гг. при Московской митрополичьей кафедре под руководством митрополита Макария. Он создан в единственном экземпляре, включает 10 томов, более 9 тыс. листов, более 16 тыс. миниатюр («лиц», давших название своду) и охватывает события «от начала мира» до 1567 г. Заключительный том содержит рукописную правку, сделанную предположительно Иваном IV Грозным.

Формирование централизованного Российского государства способствовало расширению исторических горизонтов и появлению новых жанров исторических произведений. Одним из этих жанров стали *хронографы*. Хронограф – собирательное название византийских летописей, известных на Руси с давних времен; но в XVI веке был предпринят опыт создания русского хронографа, где сведения по всемирной истории от библейских времен были дополнены сведениями по истории Руси. Наиболее ранняя редакция русского Хронографа относится к 1512 г.; сохранились также 2 редакции XVII в. Источниками для составления Хронографа служили византийские, болгарские и польские хроники, средневековые космографии и жития святых. В тексте Хронографа события всемирной истории с VIII в. чередуются с событиями истории Руси; начиная с 1453 г., то есть с года падения Константинополя, Хронограф повествует исключительно о событиях российской истории.

Осмысление исторических событий XV века – падения Византийской империи и становления независимого Российского государства – воплотилось в новых исторических концепциях. В исторических повестях XV–XVI вв. утверждалось религиозное значе-

ние победы над Золотой Ордой («Сказание о Мамаевом побоище», 1-я четв. XV в.), преемство светской и духовной власти на Руси от Рима и Византии («Послание о Мономаховом венце», 20-е гг. XVI в.; «Повесть о новгородском белом клобуке», сер. XVI в.; «Сказание о князьях Владимирских», XVI в.). В начале XVI в. была сформулирована историософская (религиозно-философская) концепция «Москва – третий Рим», согласно которой после падения Византии великий князь Владимирский и Московский стал единственным православным христианским царем во всей вселенной, а Москва – вселенским центром православия, который не падет до конца света.

Новый, нелетописный принцип изложения исторических событий был опробован при создании первого *обобщающего труда по российской истории* – Степенной книги (полное название – «Книга степенная царского родословья, содержащая историю Российскую от начала оныя до времен государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича), составленной в сер. XVI в. при кафедре митрополита Макария. В Степенной книге история излагалась не по годам, как в летописях, а по «степеням» (поколениям) царского родословия; всего от Владимира Святого до Ивана IV составители труда насчитали 17 степеней.

В этот период в русской мысли разворачивается полемика о самовласти; начавшись как чисто богословская дискуссия о свободе воли, она быстро переросла в обсуждение насущных проблем политического устройства Российского государства. Появляются *исторические сказания и повести*, где на исторических примерах (реальных или легендарных) рассматриваются достоинства и недостатки разных форм правления: например, «Сказание о Магмет-салтане» Ивана Пересветова (середина XVI в.). Историческими примерами насыщена знаменитая переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским (1560–1570-е гг.): для обоснова-

ния своих политических идеалов каждый из участников переписки ссылается на примеры из библейской и античной истории.

Наконец, именно в XVI в. в русской литературе формируется особый, ранее неизвестный для нее жанр – *история*. Если летописи фиксировали исторические события год за годом, по мере их наступления, то «истории» представляли собой опыт сознательной реконструкции событий прошлого и были, как правило, построены вокруг какой-либо одной центральной темы. Примером может служить «Казанская история» - масштабная историческая повесть, созданная предположительно в 1560-е гг. и посвященная недавнему завоеванию Иваном IV Грозным Казанского ханства. Повествование «Казанской истории» хронологически охватывает события от нашествия Батыя на русские земли до взятия Казани русскими войсками в 1552 г. В ней подробно рассказывается об истории Золотой Орды, о ее распаде, о возникновении «Казанского царства», о его сложных отношениях с Москвой и опустошительных набегах на русские земли; обосновывается историческая правота Ивана IV, завоевавшего Казань и подчинившего себе территорию ханства. Повествование о «Казанских походах» насыщено подробностями, этнографическими и топографическими деталями, многие из которых, впрочем, носят фантастический характер. В жанре «истории» написан и политический памфлет князя Андрея Курбского «История о Великом князе Московском» (1573 г.), где подробно излагается история правления Ивана IV; Курбский заложил традицию разделения правления Ивана Грозного на «светлый» период, ознаменованный реформами Избранной Рады, и «темный», связанный с созданием опричнины и бессудными расправами над знатными семействами. Эту концепцию впоследствии будут развивать М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин.

2.3. Русская историческая мысль XVII в.

Важнейшими особенностями русской культуры XVII столетия историки считают ее «обмирщение», интенсификацию связей с европейскими странами. Становление первых образовательных учреждений вызвало потребность в учебной литературе; смена правящей династии, произошедшая в начале XVII века, рождала потребность в идеологическом осмыслении недавних исторических событий. В результате всех этих процессов изменяются характер и формы исторического повествования: летописные, хроникальные произведения, фиксирующие ход событий год за годом, постепенно уступают место обобщающим трудам, где предпринимается осмысление прошлого.

В XVII веке был предпринят последний опыт составления грандиозных летописных сводов, считавшийся важным государственным делом. Около 1630 г. под руководством патриарха Филарета был составлен «Новый летописец»; главной задачей этого летописного труда было представить официальную версию событий Смутного времени и обосновать легитимность династии Романовых. В 1657–1659 гг., уже в правление Алексея Михайловича, было создано специальное государственное учреждение – Записной приказ – для продолжения «Нового летописца». Работая над составлением летописи, сотрудники Записного приказа занимались выявлением сохранившихся исторических источников, в том числе *повестей и сказаний* о Смутном времени.

События Смуты оставили глубокий след в памяти современников; им было посвящено несколько десятков исторических повестей и сказаний. Наиболее значительные исторические произведения о Смутном времени – «Сказание» Авраамия Палицына («История вкратце в память предидущим родом, како грех ради наших попусти Господь Бог праведное свое наказание по всей России»; 1619–1620 гг.) и «Временник по седмой тысящи от сотворе-

ния света во осмой в первые лета» Ивана Тимофеева (ок. 1616–1627/28 гг.). Их авторы были непосредственными свидетелями и участниками описываемых ими событий; они стремились представить свое понимание причин и истоков Смуты. Религиозно-нравственная трактовка Смуты как кары Божьей за грехи правителей и народа сочеталась у них с попытками осмысления политической ситуации в стране и яркими историческими портретами деятелей того времени.

Становление образовательных учреждений – русских православных училищ и братских школ на территории Речи Посполитой, Киево-Могилянской коллегии (1632, с 1701 г. – академия), школ в Чудовом, Спасском, Андреевском монастырях в Москве и под Москвой, наконец, Славяно-греко-латинской академии в Москве (1686 г., первоначальный проект – Сильвестр Медведев, основатели – братья Софроний и Иоанникий Лихуды) породило потребность в кратком и доступном изложении российской истории.

Эту задачу решали авторы *обобщающих трудов* по русской истории. Во второй половине XVII в. были созданы «История о царях и великих князьях земли Русской» дьяка Федора Якимовича Грибоедова (1669 г.), «Хроника» Феодосия Сафоновича, игумена Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1672 г.), «Синопсис» Иннокентия Гизеля, архимандрита Киево-Печерской Лавры (1674 г.). Их создатели опирались на предшествующие исторические труды: так, в основу «Истории» Федора Грибоедова были положены материалы Степенной книги, Хронографа 2-й ред., «Сказания о князьях Владимирских», «Сказания» Авраамия Палицына. В свою очередь, Феодосий Сафонович и Иннокентий Гизель использовали Ипатьевский летописный свод, исторические повести, в том числе «Сказание о Мамаевом побоище», космографии, литературные произведения, польские исторические труды.

Наиболее известным из этих трудов стал «Синописис» (с греч. «обозрение»), определивший характер исторических знаний образованной элиты не только конца XVII, но и XVIII века. «Синописис» утверждал идею исторической связи и преемственности между Киевской Русью и Московским государством. Важнейшими вехами русской истории, согласно «Синописису», были: происхождение славян; крещение Руси князем Владимиром; правление Владимира Мономаха; Батыево нашествие и владычество Золотой Орды; Куликовская битва и освобождение Московского великого княжества от власти Орды; вхождение Киевского, Галицкого и Волынского княжеств в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, низведение Киевского княжества до статуса воеводства; наконец, объединение «Всея Великия, и Малыя, и Белья России» под властью царя Алексея Михайловича. Автор «Синописиса» в некоторых главах в доказательство своей концепции ссылался на «летописцев Латинских, и Греческих, и Польских», а также на польского историка XVI в. Матея Стрыйковского.

Отличаясь концептуальной целостностью и стройностью изложения, «Синописис» еще не был в полном смысле слова научным сочинением – в нем не предпринимались попытки систематизации и научной критики источников. Согласно оценке П.Н. Милюкова, «Синописис... важен для нас как *резюме всего, что делалось в русской историографии до XVIII столетия*»¹⁶

В XVII веке получает развитие жанр «историй». Примером этого является «История Сибирская», составленная в конце XVII – первые годы XVIII в. С.У. Ремезовым, строителем Тобольского кремля и создателем рукописного географического атласа «Чертёжная книга Сибири». Основное содержание «Истории Сибирской» составляет подробный рассказ о походе Ермака Тимофееви-

¹⁶ Милюков П.Н. Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. С. 30.

ча в Сибирь, основанный как на Кунгурской летописи конца XVI в., так и, предположительно, на устных источниках.

Особое место в отечественной исторической мысли XVII в. занимает «Скифская история» А.И. Лызлова. Андрей Иванович Лызлов (ок. 1655 – не ранее 1697), служивый дворянин, был участником Чигиринского похода 1677 г. и Крымских походов 1687-1688 гг.; дослужился до чина стольника. Владел польским, латинским, греческим языками, перевел с польского «Хронику» Матая Стрыйковского и книгу «Двор цесаря турецкого» польского автора XVII в. Симона Старовольского. Этот опыт позволил ему создать оригинальное историческое сочинение не только по отечественной, но и по всеобщей истории.

«Скифская история» Лызлова, завершенная в 1692 г., посвящена истории «скифов», под именем которых автор объединяет монгольские, тюркские и ираноязычные народы: персов, парфян, татар, турок и др. Подробно излагается история Золотой Орды, Казанского и Крымского ханств, Османской империи, их противоборства с христианскими народами. Труд Лызлова содержит широкий исторический фон, подробные географические и этнографические описания. В качестве источников для написания своего труда Лызлов использовал текст летописей, «Степенной книги», сочинений А.М. Курбского, Хронографа и «Синописа» (XVI–XVII в.); его книга, впервые в истории российской исторической мысли, содержит ссылки на труды историков-предшественников: древнегреческого историка Диодора Сицилийского (I в. до н.э.), древнеримских историков Квинта Курция Руфа (I в. до н.э. – I в. н.э.) и Юстина (II–IV вв.), польских историков XVI в. Матая Стрыйковского, Мартина Кромера, Бернарда Ваповского, Марцина Бельского, итальянских историков и географов XVI–XVII вв. Джованни Ботери и Александра Гваньини. Труд Лызлова был ши-

роко известен в России XVIII в.; сохранилось 32 его рукописных списка.

Таким образом, за XVII в. российская историческая мысль проделала путь от классического летописания до создания обобщающих исторических трудов, содержащих попытки систематизации и осмысления всего хода отечественной истории. Безусловным новшеством для того времени стали практика указаний на труды предшественников, как и проблемно-ориентированный подход к истории. Тем самым была заложена основа для становления научного исторического знания в России.

Вопросы для самопроверки

1. Укажите основные особенности летописей как жанра исторических сочинений.
2. Какова структура «Повести временных лет»? Какой исторический период она охватывает?
3. Какие версии существуют в исторической науке относительно времени и истории создания «Повести временных лет»?
4. Что представляют собой летописные своды? В чем заключаются различия между Лаврентьевским и Ипатьевским летописным сводами?
5. Приведите примеры нелетописных исторических произведений древнерусской литературы. Каким историческим сюжетам они посвящены?
6. Назовите новые жанры исторических сочинений, появившиеся в России в XVI–XVII вв. В чем заключались отличия этих жанров от летописей?
7. Охарактеризуйте религиозно-философские концепции истории, представленные в древнерусских летописях и в исторических сочинениях XV–XVII вв.

8. На какие источники опирались авторы исторических сочинений XVI–XVII в. при создании своих трудов?

9. Можно ли, по вашему мнению, считать исторические произведения конца XVII в. (например, «Синописис» Иннокентия Гизеля, «Скифскую историю» А.И. Лызлова) научными трудами в современном смысле этого слова? Аргументируйте ваше мнение

Историографические источники

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. – Санкт-Петербург, 1997. – Т. 1: XI–XII века. – URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения: 14.05.2025).

2. Курбский, А.М. История о Великом князе Московском / А.М. Курбский; Ун-т рос. акад. образования. – Москва: Изд-во УРАО, 2001. – 161 с.

3. Общественная мысль России в XVI–XVII вв. / сост., авт. коммент.: И.Л. Андреев, В. Н. Козляков ; авт. вступ. ст. И.Л. Андреев. – Москва: РОССПЭН, 2010.

4. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. – Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1979. – 431 с.

5. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – 668 с.

Рекомендуемая литература

1. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа / М.А. Алпатов. В 2 ч. Ч.1: XII–XVII в. М.: Наука, 1973. 475 с.
2. Данилевский, И.Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы изучения летописных текстов / И.Н. Данилевский. – Москва: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
3. Данилевский, И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций / И.Н. Данилевский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 398 с.
4. Зимин, А.А. И.С. Пересветов и его современники : Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. / А.А. Зимин. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 498 с.
5. Клосс, Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков / Б.М. Клосс. – Москва: Наука, 1980. – 312 с.
6. Лаппо-Данилевский, А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. / А.С. Лаппо-Данилевский. – Москва: Наука, 1990. – 290 с.
7. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. 3-е изд., доп. – Москва: Наука, 1979. – 352 с.
8. Лурье, Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. / Я.С. Лурье. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 283 с.
9. Мильков, В.В. Осмысление истории в Древней Руси / В.В. Мильков. - 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 2000. – 382 с.
10. Милуков, П.Н. Очерки истории исторической науки / П.Н. Милуков. – Москва: Наука, 2002. – 539 с.
11. Морозов, В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / В.В. Морозов. – Москва: Индрик, 2005. – 288 с.

12. Рыбаков, Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи / Б. А. Рыбаков. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – 361 с.
13. Успенский, Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси / Б. А. Успенский. – Москва: Яз. рус. культуры, 2000. – 124 с.
14. Черепнин, Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции, предшествующие ей летописные своды / Л.В. Черепнин // Исторические записки. – Т.25. – Москва – Ленинград, 1948. – С. 293–333.
15. Шахматов, А.А. История русского летописания / А.А. Шахматов. – В 2 т. – Санкт-Петербург: Наука, 2002–2011.
16. Шахматов, А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А.А. Шахматов. – Москва; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – 372 с.

3. СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В XVIII В.

3.1. Условия формирования исторических знаний в XVIII в.

Созданные до XVIII в. летописи, сказания и повести, даже обобщающие исторические произведения трудно назвать научными трудами: целью их создания было сохранение памяти о прошлом, а не научное исследование. Превращение исторических знаний в науку начинается с того момента, когда, во-первых, предпринимается целенаправленный сбор исторических источников, во-вторых, когда историки стремятся установить подлинность этих источников, критически проверить достоверность содержащейся в них информации и предложить, на основе анализа сохранившихся данных, наиболее обоснованную версию произошедшего. Поэтому развитие исторической науки немыслимо без критики и дискуссий: гипотеза, выдвинутая одним ученым, может показаться другому недостаточно убедительной. Основным критерием научности историческое знание в России стало удовлетворять именно в XVIII веке.

Целенаправленное собирание исторических источников началось в России в правление Петра I, в соответствии с императорским распоряжением от 20 декабря 1720 г. и Указом 16 февраля 1722 г. Тогда же, в петровскую эпоху, на русский язык было переведено несколько европейских работ по всеобщей истории, в том числе «Введение в историю европейскую» С. Пуффендорфа. Сам Петр I неоднократно поручал своим сподвижникам написать «российского государства историю»: так, явным государственным заказом было «Рассуждение о причинах Свейской войны» дипломата П.П. Шафирова. В 1724 году Петр I учредил Академию наук (далее – АН), которая должна была совмещать функции научного и учебного учреждения; по штату АН были предусмотрены должно-

сти профессоров (академиков) древней и новой истории. Свой вклад в развитие исторической науки в России внесли сотрудники АН: Г.З. Байер (ординарный академик по кафедре древностей и восточных языков АН), Г.Ф. Миллер (профессор истории АН, историограф, ректор Академического университета), великий ученый-естествоиспытатель М.В. Ломоносов (профессор химии, советник канцелярии, глава Географического департамента АН), А.Л. Шлёцер (ординарный профессор истории АН).

Тем не менее большинство российских историков XVIII века не были профессиональными учеными и не имели специального исторического образования. Так, А.И. Манкиев был дипломатом; В.Н. Татищев – военным инженером, географом, администратором; И.И. Голиков – предпринимателем; И.Н. Болтин состоял на военной службе, служил по таможенному ведомству, был назначен прокурором, а затем – членом Военной коллегии; М.М. Щербатов выдвинулся как депутат Уложенной комиссии и завершил свою политическую карьеру, будучи сенатором. Недостаток профессиональной подготовки авторы исторических трудов восполняли талантом, энтузиазмом и искренней убежденностью, что их работа послужит патриотическим целям.

В XVIII веке в Российской империи появляется официальная придворная должность историографа, которую в разное время занимали Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов, а в начале XIX в. – Н.М. Карамзин. Должность историографа давала исследователю, работавшему по заказу монархов, доступ в государственные архивы.

3.2. Поиск и публикация исторических источников

Важнейшей ступенью в процессе превращения исторических знаний в науку стало собирание, публикация и изучение исторических источников. Первопроходцем в этой области стал В.Н. Татищев, которого часто называют родоначальником отечественной

исторической науки: работая над своей «Историей Российской», он в течение многих лет собирал древнерусские летописи и стремился установить, какой из летописных текстов можно считать первоначальным, а какие представляют собой позднейшие дополнения и переработки. Ему удалось отыскать 15 различных списков древнерусских летописей, которые *«начало Несторова имеют, но в продолжении ни один с другим точно несходен»*; в его руках побывали и такие манускрипты, которые не дошли до наших дней, – например, Раскольниковский летописец, Ростовская летопись, Иоанновская летопись. Татищев первым обнаружил и проанализировал текст «Русской Правды», «Судебника» 1550 г. и «Степенной книги». Г.Ф. Миллер, участвовавший в Академическом отряде 2-й Камчатской экспедиции В. Беринга, вывез из Сибири огромное собрание копий актов документов (так называемые «портфели Миллера»); ему удалось обнаружить не только акты материалы, позволяющие восстановить историю освоения русскими Сибири, но и акты времен Смуты, которые в центральных архивах были затеряны или уничтожены. На основе этих материалов был создан труд Г.Ф. Миллера «Описание Сибирского царства», который можно считать первым опытом региональной истории.

Вокруг дела поиска и публикации источников по истории России возникали целые сообщества «любителей древностей». Лидером одного из кружков любителей русской истории был граф А.И. Мусин-Пушкин, член Российской академии, президент Академии художеств, владелец богатейшего «древлехранилища» в России – коллекции древних рукописей, старопечатных книг, монет и медалей, погибшей в пожаре Москвы 1812 г. В числе архивных находок Мусина-Пушкина были Лаврентьевская летопись и «Слово о полку Игореве». В деятельности кружка Мусина-Пушкина участвовал И.Н. Болтин, подготовивший издание «Про-

странной Правды», «Книги большому чертежу», а возможно, также «Поучения Владимира Мономаха» и «Слова о полку Игореве».

В XVIII веке в России возникают периодические издания, специализировавшиеся на публикациях по истории. Первые такие журналы появились по инициативе Г.Ф. Миллера («Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в "Ведомостях"» (1728–1742), «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764) и др.). Публицист и издатель Н.И. Новиков стал основателем журнала «Древняя Российская Вивлиофика» (1773–1776), публиковавшего исторические источники. Все это обеспечило инфраструктуру для развития научной мысли и обмена научными идеями.

В течение XVIII столетия формируется культура издания научных трудов. В.Н. Татищев впервые стал сопровождать текст своего исторического труда примечаниями, куда он выносил ссылки на труды своих предшественников и полемические комментарии. М.М. Щербатов начал давать точные ссылки на архивохранилища и архивные дела, где им были обнаружены те или иные исторические документы (например: *«Архивы Иностранной коллегии статейные списки, дела Польския, № 14, лист 658 и 660»*), снабжал свои труды алфавитными указателями имен и географических названий, хронологическими таблицами и генеалогическими схемами.

3.3. Зарождение источниковедения

Принципы анализа исторических источников первым начал разрабатывать В.Н. Татищев. Он предложил критерии для определения достоверности трудов «историописателей»: с его точки зрения, наибольшего доверия достойны свидетельства непосредственных участников событий, затем – современников, имевших «достаточные известия» о происходящем, затем – авторов, рабо-

тавших и с архивными документами, и с записками современников. По мнению Татищева, свидетельства соотечественников достойны большего доверия, чем иноземцев, которые могут по незнанию языка не понимать многих обстоятельств; но и соотечественник, в свою очередь, может быть подвержен «страсти самолюбия или самохвальства» (Татищев В.Н., с. 83).

В XVIII в. появляются первые источниковедческие труды: «О летописце Несторе» Г.Ф. Миллера (1755), «Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.-Л. Шлёцером» (1802–1805).

«Нестор» А.Л. Шлёцера стал важным шагом в становлении отечественной исторической науки: его автор предложил тщательно разработанную методику исторического исследования, научный «инструментарий» историка. Он применил к анализу древнерусских летописей *критический метод*, который использовали его немецкие коллеги при анализе библейских текстов и других памятников древней письменности.

Шлёцер условно разделил работу историка на три важнейших этапа: сбор исторических сведений, историческая критика, написание истории. Сбор исторических сведений, согласно Шлёцеру, предполагает изучение как отечественных, так и иностранных (византийских, скандинавских, арабских и прочих) источников, их систематизацию, сопоставление сведений, содержащихся в разных летописях. Историческая критика, по мнению Шлёцера, предполагает поиск ответов на три ключевых вопроса: о подлинности источника (на основе анализа его внешнего вида и языка); о точном смысле его текста (на основе грамматического изучения); и о достоверности (правильности) содержащихся в нем сведений (для этого необходимо выяснить, какое общественное положение занимал автор исторического документа, какова могла быть степень его осведомленности о прошлом и настоящем, были ли у него

причины скрывать правду или приукрашивать события). Определение подлинности источника Шлёцер называл «низшей критикой», оценку достоверности фактов, изложенных в историческом документе, – «высшей критикой». Сам Шлёцер применил свои методические приемы к изучению древнерусских летописей: на основе критического сличения 20 списков летописей он предпринял попытку реконструировать «очищенный», подлинный текст Нестора, предложил свою версию генеалогии русских летописей, установил время создания Никоновского и Воскресенского сводов, а также Степенной книги.

Конкретные выводы Шлёцера неоднократно оспаривались и пересматривались историками следующих поколений. Но метод исторической критики, впервые примененный им при анализе «Повести временных лет», на протяжении всего XIX века был основой «ремесла историка» в российской исторической науке.

3.4. Исторические концепции XVIII в.: общая характеристика

Изучение истории в тот период, как правило, служило практическим, утилитарным целям: она рассматривалась не как «чистая наука», а как средство воспитания народной гордости, патриотизма, или же как собрание поучительных примеров, которые можно использовать в качестве наставлений правителям и в ходе политических дебатов.

Преобладающей формой исторических трудов в XVIII в. были многотомные обобщающие сочинения по российской истории, охватывающие максимально широкий исторический период – от первых сведений о славянах в трудах греческих или римских историков и до какой-либо важной вехи отечественной истории – правления Ярослава Мудрого, объединения русских земель под властью Москвы, Смутного времени, начала правления Петра I и т.д. Таковы «Ядро российской истории» А.И. Манкиева (ок. 1715,

впервые издано в 1770), «История Российская» В.Н. Татищева (1719–1748, I том впервые издан в 1768), «Древняя Российская история» М.В. Ломоносова (1758–1766), «История Российская от древнейших времен» М.М. Щербатова (в 7 т., 1767–1791).

Предметом исторического изучения в этих трудах была прежде всего политическая история: деяния правителей, законодательство, войны и дипломатические соглашения, борьба за власть. В соответствии с этим периодизация истории обычно строилась по правлениям великих князей и царей.

Теоретической основой исторических трудов была философия Просвещения, предполагавшая рациональное объяснение исторических событий без вмешательства сверхъестественных сил, поиск причинно-следственных связей. Наиболее глубоко мыслявшие историки XVIII – начала XIX в. стремились выработать «целое, связанное, каноническое представление об общем ходе русской истории» (Милюков П.Н., с. 37); в основе их построений лежала вера в прогрессивную направленность истории – от дикости к смягчению нравов, от невежества к просвещенности, от безвестности к славе. В истории России они прослеживали смену политического устройства: переходы от раздробленности к единовластию, от аристократического правления – к монархическому, и наоборот. Большинство историков придерживались монархических убеждений, считая, что только неограниченная власть монарха способна обеспечить единство и процветание огромной Российской державы, а времена правления боярской аристократии (при малолетних монархах или в годы Смутного времени) обычно оценивались в их трудах негативно. Исключение составлял князь М.М. Щербатов, убежденный, что самодержцам необходим союз с высшей знатью, а «нестесненная власть» и практика единолично принимать государственные решения ведет к перерождению монархии в деспотию.

тизм и в конечном итоге – к пагубным последствиям для общества в целом.

Соответственно, в центре исторических трудов были фигуры монархов, свершения которых способны «изменить земной лик»; идеалом монарха для историков XVIII века был Петр I, который «всему государству преобразование учинил», «Россию от небытия к бытию произвел». Правлению Петра I были посвящены «Слово похвальное блаженные памяти Государю Императору Петру Великому» М.В. Ломоносова (1755), «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И.И. Голикова (1788-1789) и другие труды. Скептически о петровских преобразованиях высказывался только М.М. Щербатов в политическом памфлете «О повреждении нравов в России» (1790), не публиковавшемся при жизни автора.

Научные дискуссии в XVIII веке велись вокруг тех проблем, которые непосредственно затрагивали патриотические чувства ученых: откуда пришли славяне; что означает этноним «Русь»; наконец, кто были варяги, призванные в Новгород в 862 году и положившие начало династии Рюриковичей. Наиболее известна дискуссия по «норманнскому вопросу», вспыхнувшая в 1749 г. вокруг диссертации Г.Ф. Миллера «О происхождении народа и имени российского», где тот вслед за Г.З. Байером выдвинул идею скандинавского происхождения варягов-основателей русского государства («норманнскую теорию»). Ключевую роль в этой дискуссии как оппонент Миллера сыграл М.В. Ломоносов, настаивавший, что и древнерусская государственность, и этноним «Русь», и династия Рюриковичей имели автохтонное, славянское происхождение.

Показателем развития исторической науки было появление научно-критических трудов. Так, М.В. Ломоносов подготовил «Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера» (1749) и «Примечания» на рукопись «Истории Российской империи при Петре Вели-

ком» Вольтера (1757); И.Н. Болтин составил подробные «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (1788) и «Критические примечания на первый и второй тома Истории князя Щербатова» (1793–1794). Труды И.Н. Болтина вышли за рамки чисто политической проблематики – в них впервые был дан географический, историко-этнографический и статистико-экономический обзор Российской империи, представлен развернутый исторический очерк формирования крепостного права.

От рассказа о политических событиях, военных походах, деяниях князей историческая наука начала переход к истории внутренней жизни общества, нравов, законов, общественного порядка. В полной мере эти задачи будут решены только в XIX в.

Вопросы для самопроверки

1. Как изменились в начале XVIII в. условия развития исторического знания в России?

2. Как развивалось в течение XVIII в. дело поиска и публикации исторических источников? Кто из ученых и «любителей древности» внес свой вклад в этот процесс?

3. Как изменились в течение XVIII в. принципы публикации трудов по истории?

4. Кто из историков XVIII в. разработал методику критического анализа источников («вышей и низшей исторической критики») и в чем заключалась эта методика? К анализу каких источников применял эту методику сам автор?

5. Выделите и охарактеризуйте общие черты исторических концепций, предложенных ведущими российскими историками в XVIII в.

6. Вокруг каких проблем возникали дискуссии в российской исторической науке XVIII в.? Приведите не менее 2-х примеров.

7. Многие ученые считают, что о развитии исторической науки в полном смысле слова в России можно говорить лишь с XVIII в. Подтвердите или опровергните это мнение.

Историографические источники

1. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений. Том шестой. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747-1764 гг. / М.В. Ломоносов. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 689 с.

2. Миллер, Г.Ф. История Сибири: в 2 т. / Г.Ф. Миллер. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1941.

3. "О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и "Путешествие" А. Радищева: факс. изд. – Москва: Наука, 1983. – 175, XV, 340 с.

4. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: В 8 т. / В.Н. Татищев. – Т.1: История Российская. Часть первая. – Москва: Науч.-изд. центр "Ладомир", 1994. – 499 с.

Рекомендуемая литература

1. Бердинских, В.В. Ремесло историка в России / В.В. Бердинских. – Москва: Новое литературное обозрение, 2009. – 603 с.

2. Ключевский, В.О. Сочинения: В 8 т. Т.8: Исследования, рецензии, речи. (1890–1905) / В. О, Ключевский. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 491 с.

3. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 688 с.

4. Малинов, А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов / А.В. Малинов. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 213 с.

5. Милуков, П.Н. Очерки истории исторической науки / П.Н. Милуков. – Москва: Наука, 2002. – 539 с.

4. РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

4.1. Условия развития отечественной исторической науки в первой половине XIX в.

В начале XIX в. продолжается дело поиска и публикации исторических источников, которое ведется не только силами профессиональных ученых, но и усилиями неформальных кружков «любителей древностей». Так, в 1804 г. при Московском университете по инициативе А.-Л. Шлёцера было создано Московское общество истории и древностей российских, куда входили Н.М. Карамзин, А.И. Мусин-Пушкин и другие видные историки и археографы того времени. Деятельность общества продолжалась вплоть до 1929 г.

Мощное интеллектуальное объединение историков, археографов и филологов сложилось в 1813–1828 гг. вокруг графа Н.П. Румянцева, государственного канцлера, дипломата в отставке, мецената и покровителя науки. Членами «Румянцевского кружка» было несколько десятков человек (по разным подсчетам – от 50 до 200), в том числе корреспонденты из разных городов Российской империи и зарубежные ученые. Румянцев координировал проведение исторических, археографических и археологических исследований, выделял на них материальные средства. В числе исторических источников, найденных, подготовленных к печати и опубликованных участниками этого кружка, были «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым» (первый опубликованный сборник древнерусских былин), «Летопись Сибирская» и др. После смерти Н.П. Румянцева его библиотека в 28 тыс. томов, а также собранные им коллекции, включая коллекцию рукописей, были переданы Министерству народного просвещения, а позднее

составили основу Московского публичного и Румянцевского музея – первого в Москве общедоступного музея, располагавшегося в доме Пашкова (сейчас это здание принадлежит Российской государственной библиотеке).

В 1828–1834 гг. Академией наук была организована Археографическая экспедиция, задачей которой было обследование местных архивов с целью поиска ценных исторических источников. Ее организатором стал П.М. Строев – выпускник Московского университета, служащий архива Министерства иностранных дел, входивший ранее в кружок Румянцева. Археографическая экспедиция, объездив 14 центральных и северных губерний России, обследовала более 200 архивов, принадлежавших учреждениям, монастырям или частным лицам, и выявила более 3 тысяч исторических источников – актов, грамот, рукописей и старопечатных книг. Для научного изучения и публикации выявленных источников в 1834 г. была основана Археографическая комиссия, действовавшая на постоянной основе и издававшая периодическое печатное издание – «Летопись занятий Археографической комиссии». В 1841–1842 годах Археографической комиссией было издано пятитомное собрание «Актов исторических», включавшее документы по социально-экономической, политической, дипломатической, военной и церковной истории России XIV–XVII вв.; впоследствии, вплоть до 1870-х гг., издавались «Дополнения к Актам историческим», где были опубликованы документы X–XVII вв.

«Площадкой» для публикации источников и научных исследований, обмена мнениями и ведения дискуссий были не только специализированные издания, но и *литературно-публицистические журналы*, расцвет которых в России приходится на XIX в. Публикации по проблемам исторического знания систематически появлялись на страницах журналов «Вестник Европы» (издатели – Н.М. Карамзин, затем М.Т. Каченовский), «Сын

Отечества» (издатель Н.И. Греч), «Современник» (издатель А.С. Пушкин, впоследствии Н.А. Некрасов), «Телескоп» (издатель Н.И. Надеждин), «Московский Телеграф» (издатель Н.А. Полевой), «Москвитянин» (издатель М.П. Погодин) и других периодических изданий.

Ключевым социокультурным фактором развития науки в России XIX – начала XX в. стало создание *университетской системы*. Вслед за Академическим университетом, основанным при Академии наук в Санкт-Петербурге, и учрежденным в 1755 г. Московским университетом в течение столетия были основаны Дерптский (1802), Казанский (1804), Виленский и Харьковский (1805), Санкт-Петербургский (1819), Александровский (Гельсингфорс, 1827), Святого Владимира (Киев, 1834), Новороссийский (Одесса, 1865), Варшавский (1869), Сибирский (Томск, 1878) и Николаевский (Саратов, 1909) университеты, связанные общей концепцией образования. Университеты той эпохи по своему типу относились к гумбольдтовским университетам (по имени прусского реформатора образования В. фон Гумбольдта), основанным на принципе единства преподавания и исследования: целью образования становится не просто передача студентам готовой суммы знаний, но подготовка их к самостоятельным научным исследованиям, а от университетских профессоров теперь требовались не только преподавательские компетенции, но и ведение научной работы: чтобы занять пост профессора, ученый должен был представить и защитить на заседании Совета университета диссертацию – самостоятельный научный труд, содержащий оригинальную авторскую концепцию.

В результате университетских реформ происходит *профессионализация исторической науки*. С 1804 г. в российских университетах создаются кафедры истории, с 1832 г. – историко-филологические факультеты. Формируется практика оставления

талантливых студентов при кафедре для подготовки магистерской диссертации, публичные защиты диссертаций, чтение публичных лекций. Система научных стажировок за границей с 1830-х гг. способствовала взаимосвязям российской и европейской исторической науки. Изменяется социальный облик российских историков: если в XVIII в. они зачастую были любителями, сочетавшими изучение истории с другими занятиями, то со второй четверти XIX в. российские историки все чаще являются выпускниками и преподавателями университетов. В крупнейших российских университетах формируются *научные школы*, о которых подробнее будет рассказано далее.

Создание системы высшего и среднего (гимназического) образования порождает потребность в *учебной литературе* по истории. В 1835 г. Министерство народного просвещения, которое возглавлял граф С.С. Уваров, впервые объявило конкурс на лучший учебник отечественной истории; победителем стал Н.Г. Устрялов. Университеты становятся центрами не только преподавания и научной работы, но и просветительства; публичные лекции Т.Н. Грановского по истории Средних веков, организованные в Московском университете в 1840-е гг., привлекают слушателей из самых разных кругов общества.

Важной характеристикой исторического знания XIX в. становится интерес к национальной истории, создание «национальных нарративов», согласно которым движущей силой истории является не только воля государства, но прежде всего народ и «народный дух», национальный характер. В первой четверти XIX в. был создан яркий опыт такого исторического нарратива – «История государства Российского» Н.М. Карамзина (в 12 т., 1818–1826).

4.2. Н.М. Карамзин и его «История государства Российского»

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), прежде чем стать историком и занять, согласно указу Александра I, должность официального историографа, был известен российской читающей публике как писатель, основоположник нового литературного течения – сентиментализма, автор повестей «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода». В историю русской литературы Карамзин вошел также как издатель «Московского журнала», первого литературного журнала в России, и «Вестника Европы», первого общественно-политического журнала. За годы литературной, журналистской и издательской работы Карамзин осуществил реформу русского литературного языка, отказавшись от использования церковнославянской лексики и грамматики и перенеся в свои произведения живой обиходный язык своей эпохи. С 1815 года он был почетным членом литературного общества «Арзамас», объединившего самых ярких и талантливых поэтов молодого поколения: К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского, Д.В. Давыдова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина.

«История государства Российского» Карамзина – один из самых известных трудов, когда-либо написанных по истории России. Главным ее достоинством современники и потомки признавали живописный литературный слог, умение автора красочно воссоздавать события древней истории, характеры и чувства ее персонажей.

Однако Карамзин создавал свою «Историю» не только как писатель, но и как компетентный историк. Он ввел в научный оборот немало исторических источников: в частности, сочинения древнерусского богослова Кирилла Туровского, «Моление Даниила Заточника», сочинения Ивана Пересветова, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Карамзину удалось успешно решить проблему соединения научности и занимательности. Каждый из томов «Истории государства Российского» он сопровождал обширными

«Примечаниями», объем которых часто превышает объем основного текста: там он давал обзоры источников, приводил различные точки зрения по тем или иным вопросам, вступал в дискуссию со своими предшественниками-историками. «Примечания» подкрепляют карамзинский рассказ документальными данными и придают ему научную основательность; для специалиста-историка они зачастую важнее и интереснее основного текста.

«История государства Российского» Карамзина включает 12 томов. Повествование в ней ведется «по князьям и царям»: в томах I–IV каждому великому князю посвящено по одной главе. Чем ближе эпоха к Карамзину, тем подробнее становится его повествование: в V–XII томах история правления того или иного великого князя или царя занимает, как правило, несколько глав, или целый том, или даже – в случае с Иваном Грозным – два тома (VIII и IX). Кроме того, Карамзин включал в свое повествование главы, посвященные «состоянию России» на каждом историческом этапе; в этих главах он приводил сведения о взаимоотношениях России с другими государствами, об организации войска, суда и расправы, о развитии торговли и ремесел, наук и «художеств», о нравах и обычаях того или иного времени.

Историческая концепция Карамзина близка многим концепциям историков XVIII в., прослеживавших в российской истории борьбу монархического и аристократического образов правления. По своим убеждениям Карамзин был сторонником просвещенного абсолютизма, доказывая, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»¹⁷. Но, восхищаясь «мудрым самодержавием» Екатерины II, Карамзин безоговорочно осуждал деспотизм, примерами которого в российской истории он считал правление Ивана IV Грозно-

¹⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 48.

го, Бориса Годунова, Павла I. Средством от перерождения абсолютизма в деспотизм, как полагал Карамзин, при этом должны быть не какие-либо правовые гарантии, а добрые нравы, «обычаи спасительные, правила, мысли народные»¹⁸. Эти воззрения наложили отпечаток и на его историческую концепцию.

Н.М. Карамзин делил русскую историю на три периода: «на Древнейшую от Рюрика до Иоанна III, на Среднюю от Иоанна до Петра, и Новую от Петра до Александра. Система Уделов была характером первой эпохи, Единовластие второй, изменение гражданских обычаев третьей»¹⁹.

Важнейшей вехой отечественной истории Карамзин считал объединение русских земель под властью Ивана III: «Отсель История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки Княжеские, но деяния Царства, приобретающего независимость и величие»²⁰. Великий князь Иван (Иоанн) III был любимым историческим деятелем Карамзина; он называл его «творцом величия России» и ставил выше Ивана IV и Петра I, поскольку Ивану III удалось гармонично сочетать успешную внешнюю политику и заботу о внутренних делах и благополучии подданных.

Наиболее сильным и выразительным разделом труда Карамзина по праву считаются его последние тома, посвященные периоду от правления Ивана IV Грозного до Смутного времени. Новаторством Карамзина было то, что важную роль в исторических событиях он отводил народу: народ на страницах «Истории государства Российского» выступает как самостоятельное действующее лицо исторического процесса, чьи настроения и мнение мно-

¹⁸ Там же. С. 44.

¹⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т.1. М.: Наука, 1989. С. 21.

²⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т.6. М.: Наука, 1998. С. 5.

гое определяют. Важнейшей причиной Смуты Карамзин считал разочарование народа в своих властителях, утрату нравственной связи между царем и народом.

Публикация «Истории государства Российского» Карамзина стала крупнейшим общественным событием конца 1810-х – первой половины 1820-х годов. По известному отзыву А.С. Пушкина, после публикации первых томов «Истории государства Российского» «все... бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную... Древняя Русь, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом»²¹. Карамзин блестяще выполнил миссию просветителя, приохотив образованное общество Российской империи к историческому чтению. «История государства Российского» оказала сильнейшее влияние не только на отечественную историческую науку, но и на общественную мысль и художественную культуру России.

4.3. Историческая наука в России 1830-1840-х гг.: «посткарамзинский период»

Импульсом к развитию исторической науки в России XIX в. стала не только сама публикация «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, но и разгоревшаяся вокруг нее полемика. Хотя большинство отзывов писателей, публицистов, общественных деятелей о труде Карамзина носили восторженный характер, были и те, кто отнеслись к «Истории государства Российского» более критично. Профессора Московского университета М.Т. Каченовский, М.П. Погодин упрекали Карамзина в излишней художественности стиля, склонности приукрашивать сведения источников, непозволительном для историка стремлении вкладывать

²¹ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 129.

в уста персонажей «вымышленные речи»²². Лидеры Северного общества Н.М. Муравьев и Н.И. Тургенев противопоставили тезису Карамзина «История народа принадлежит царю» свой постулат: «История принадлежит народу – и никому более!»²³. Журналист и издатель Н.А. Полевой призывал «шагнуть дальше Карамзина» – не довольствуясь описанием частных исторических событий, искать их глубинные причины, стремиться к «созерцанию народов и государств, как необходимых явлений каждого периода, каждого века»²⁴. Критика труда Н.М. Карамзина определила направления дальнейшего развития российской исторической науки в XIX в.

Стремление к превращению истории в строгую науку, чуждую литературности, выразилось во второй четверти XIX в. в появлении новых трудов по методологии исторического исследования, источниковедению, критики источников. Этой проблематике были посвящены труды «Мой взгляд на "Русскую правду"» (1829) и «О баснословном времени в российской истории» (1833) М.Т. Каченовского, где была развита методика «низшей» и «высшей» критики источников; «О летописи Нестора» М.П. Погодина (докторская диссертация, 1836); «О системе прагматической русской истории» Н.Г. Устрялова (докторская диссертация, 1836).

Историки в этот период все чаще ставили задачу изучения не только политической, но и социальной истории. Так, Н.Г. Устрялов видел задачи «прагматической русской истории» в том, чтобы «объяснить постепенное развитие гражданской жизни» русского народа «от первого начала ее до настоящего времени» и раскрыть, почему «главные условия быта общественного» «существуют так, а не иначе», «какие правила политики внутренней и внешней

²² Козлов В. П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989. С. 162.

²³ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 142–143.

²⁴ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 215.

наиболее были сообразны с ее [России] выгодами» и какие причины «ускоряли или замедляли успехи ее промышленности и образованности»²⁵. Намечается переход от многотомных повествовательных трудов по истории России к проблемному типу исследования – разработке какой-либо конкретной научной проблемы в жанре монографии или научной статьи; характерный пример – труды М.П. Погодина («Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия», «Был ли Борис Годунов основателем крепостного права?», «Две статьи о царевиче Алексее Петровиче» и др.).

В целом же в этот период изменяются цели и задачи исторического познания. Как следствие эпохи революций и наполеоновских войн, в классической немецкой философии XIX в. (Г. Гегель, Ф. Шеллинг) формируется восприятие мира, находящегося в непрерывном развитии. Утверждается принцип историзма, согласно которому любое явление следует изучать в историческом развитии и в контексте своей эпохи. Формируется представление, что задача изучения истории состоит в том, чтобы понять внутреннюю логику смены исторических эпох. В России задача философского изучения истории была поставлена в ходе дебатов западников и славянофилов конца 1830-х – 1840-х гг. (П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, К.С. Аксаков и другие).

Н.А. Полевой в своей «Истории русского народа» (в 6 т., 1829-1833; название этому труду было дано по контрасту с «Историей государства Российского» Карамзина и свидетельствовало о смене мировоззренческих приоритетов) предпринял попытку внести философское начало в изучение отечественной истории. Смысл российской истории, по Н.А. Полевому, состоял в следующем: вся история человечества представляет собой борьбу между Европой и Азией, между деятельным и созерцательным началом,

²⁵ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года в двух частях. Петрозаводск: Корпорация "Фолиум", 1997. С. 21.

преобразованием природы и подчинением природе; Россия же в этой борьбе может сыграть роль посредника между Востоком и Западом.

Размышления об исторических судьбах России, споры западников и славянофилов делали актуальным изучение эпохи и личности Петра Великого; в 1830–1850-е гг. над историей Петра I работали А.С. Пушкин, Н.А. Полевой, М.П. Погодин, Н.Г. Устрялов.

4.4. Научные школы

Понятие «научная школа» является одним из ключевых понятий современной истории и социологии науки. Под научной школой понимают неформальное сообщество исследователей, объединенных общей системой научных взглядов. В качестве критериев научной школы современные исследователи выделяют наличие общей исследовательской программы, проблематики и методологии исследований; неформальный характер научного объединения, систему коммуникативных связей – вертикальных (учитель – ученики) и централизованных (вокруг признанного научного лидера); связь с учебным заведением или научным учреждением, на базе которого изначально сформировалась научная школа; и, наконец, особый стиль общения и мышления, внутренние традиции, нормативные регулирующие ценности, присущие представителям данной школы²⁶.

Первой научной школой в истории российской исторической науки часто называют *«скептическую школу»*, лидером которой был профессор Московского университета М.Т. Каченовский (время его активной научной и преподавательской работы охватывает 1800-е – начало 1840-х гг.). Основные принципы «скептиче-

²⁶ Мягков Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. 2011. Т. 34. С. 206–214.

ской школы» состояли в требовании обязательной исторической критики по отношению к историческим источникам, применении сравнительно-исторического подхода для определения «возраста» различных обществ и народов, проверке источника не только на подлинность, но и на «внутреннюю достоверность» – соответствие уровню развития общества в тот или иной период. Абсолютизируя эти принципы, М.Т. Каченовский и его ученики пришли к выводу, что древнейшие источники по русской истории (договоры Руси с греками, «Русская Правда», ранние летописные записи) в действительности были созданы не в X–XI вв., а значительно позже, в XIII–XIV вв.; ранний период истории Руси они характеризовали как «баснословный». Выводы «скептической школы» не получили признания у современников и были оспорены следующими поколениями исследователей. Однако ее деятельность не прошла бесследно. Каченовский сумел подготовить талантливых археографов, которые внесли значительный вклад в дело поиска и издания исторических источников: его учениками были П.М. Строев, О.М. Бодянский.

Новые тенденции в развитии исторической науки, которые наметились в 1830-1840-х гг., в полной мере смогли проявиться на следующем историческом этапе. Это было связано с формированием новых научных школ и направлений в российской исторической науке.

Вопросы для самопроверки

1. Как повлияло на развитие российской исторической науки создание системы университетского образования?
2. Каковы были результаты деятельности общественных объединений и научных учреждений первой половины XIX в. по поиску и публикации исторических источников?
3. В чем, на ваш взгляд, труд Н.М. Карамзина «История государства Российского» был продолжением научных традиций XVIII в., а в чем – представлял собой радикальный шаг вперед?
4. Во второй половине 1820-х – 1830-е гг. целый ряд историков выступил с критикой «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Какие недостатки они находили в этом труде? На ваш взгляд, справедливы ли были их претензии к труду Н.М. Карамзина?
5. Дайте определение понятия «научная школа». Какая научная школа, по мнению исследователей, первой сложилась в российской исторической науке XIX в.? Каковы были научные принципы этой школы?

Историографические источники

1. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – Москва: Наука, 1991. – 125 с.
2. Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – Т.1. – Москва: Наука, 1989. – 637 с.
3. Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 12 т. / Н.М. Карамзин. – Т.6. – Москва: Наука, 1998. – 467 с.
4. Полевой, Н.А. История русского народа: собрание сочинений в трех томах, шести книгах / Н.А. Полевой. – Москва: Вече, 1997.

5. Устрялов, Н.Г. Русская история до 1855 года: в 2 ч. / Н.Г. Устрялов. Петрозаводск: Корпорация "Фолиум", 1997. – 957 с.

Рекомендуемая литература

1. Володина, Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории / Т. А. Володина // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С.117-128.

2. Козлов, В. П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников / В. П. Козлов. – Москва: Наука, 1989. – 221 с.

3. Лотман, Ю.М. Сотворение Карамзина / Ю.М. Лотман. – Москва: Мол. гвардия, 1998. – 382 с.

4. Умбрашко, К. Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист / К.Б. Умбрашко. – Москва, 1999. – 292 с.

5. Шикло, А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого / А.Е. Шикло. – Москва : Изд-во МГУ, 1981. – 223 с.

6. Эйдельман, Н.Я. Последний летописец / Н.Я. Эйдельман. – Москва: Книга, 1983. – 174 с.

5. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

5.1. Условия развития исторической науки в России середины и второй половины XIX в.

Важнейшим историческим фактором, оказавшим влияние на развитие исторической науки указанного периода, стало осуществление в России реформ Александра II, ликвидировавших крепостное право и заложивших основы гражданского общества. Реформы стимулировали интерес к российской истории и задали новое направление этого интереса: в 1860–1870-е гг. появляются научные труды по истории крепостного права и крестьянства, земского самоуправления, сословно-представительной монархии.

Продолжается деятельность Археографической комиссии по поиску и публикации исторических источников. Возникают новые объединения историков. Самым представительным было Императорское Русское историческое общество, действовавшее в 1866–1917 гг. и издававшее «Сборники Русского исторического общества» – публикации документальных материалов (издано 148 томов, часть которых представляли собой тематические выпуски и серийные издания) и «Русский биографический словарь» (издано 25 томов). Членами общества были ведущие российские историки – К.Н. Бестужев-Рюмин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров и др.; почетным председателем с момента создания общества был наследник престола Александр Александрович, будущий император Александр III, а в начале века общество возглавлял великий князь Николай Михайлович, сам занимавшийся историческими исследованиями. Новые объединения историков появляются не только в столицах, но и в провинции: например, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (с 1878 г.), много сделавшее для развития региональной истории.

Появляются специализированные исторические журналы «Русский архив» (с 1863 г., издатель П.И. Бартенев), «Русская старина» (с 1870 г., издатель М.И. Семевский), «Исторический вестник» (с 1880 г., издатели А.С. Суворин и С.Н. Шубинский) и другие. На страницах этих журналов публиковались неизданные источники по российской истории, зачастую обнаруженные в частных архивах, а также статьи по истории, обычно научно-популярного характера, на темы, способные заинтересовать широкие круги читающей публики. Публикации исторических трудов появлялись и на страницах литературно-публицистических журналов широкого профиля: «Вестника Европы», «Отечественных записок» и др.

Согласно «Университетскому уставу» 1863 г., университетам была предоставлена автономия, включавшая право самостоятельно утверждать программу обучения и учебные планы (перечень изучаемых дисциплин), приглашать на работу преподавателей, принимать решение об издании учебных пособий. В течение второй половины XIX в. университеты упрочили свою роль ведущих центров развития науки. Профессионализация исторической науки стала свершившимся фактом: во второй половине XIX – начале XX в. ученые, занимавшиеся изучением истории, как правило, имели профильное образование и ученые степени, а историки-любители представляли собой редкое исключение.

Вторая половина XIX в. для российской исторической науки становится временем расцвета целого ряда научных школ.

5.2. Государственно-юридическая школа в российской исторической науке

Наиболее влиятельной и плодотворной (первой по значению, а не по времени возникновения) в российской исторической науке XIX в. считается научная школа, которую в одних

историографических трудах называют «государственной»²⁷, в других – «юридической»²⁸.

К первому поколению этой научной школы относят выдающихся российских историков С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Время их активной научной деятельности охватывает вторую половину 1840-х гг. – 1880-е гг., все они были выпускниками, а впоследствии – профессорами Московского университета. Ко второму поколению причисляют петербуржцев В.И. Сергеевича и А.Д. Градовского, разрабатывавших в 1860–1900-е гг. историю государственного управления в России, а также Ф.И. Леонтовича, И.Е. Андреевского, А.В. Романовича-Славятинского и других.

Представителей государственно-юридической школы объединяло то, что все они считали государство ведущей силой русской истории; главным предметом исследования для них были государственные учреждения, политические институты, правовые и юридические нормы, а также взаимоотношения власти и общества на разных этапах истории. Отправной точкой истории научной школы считается дискуссия между С.М. Соловьевым и К.Д. Кавелиным по вопросу о развитии государственности в Древней Руси («Об отношении Новгорода к великим князьям» (магистерская диссертация, 1845) и «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» (докторская диссертация, 1847) С.М. Соловьева; «Взгляд на юридический быт древней России» (1847) К.Д. Кавелина).

²⁷ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб. – Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 330; Киреева Р. А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. 506 с.

²⁸ Милюков П. Н. Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 2002. С. 401–402.

Ключевыми проблемами для историков государственно-юридической школы были вопросы о причинах происхождения самодержавия и крепостного права. Они прослеживали противоборство монархического и демократического начал, бюрократической системы и местного самоуправления на разных этапах истории России («Областные учреждения России» (1856) и «О народном представительстве» (1866) Б.Н. Чичерина; «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей» (1867) и «Земские соборы в Московском государстве» (1875) В.И. Сергеевича; «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры» (1866) и «История местного управления в России» (1868) А.Д. Градовского). Придерживаясь либеральных убеждений, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин в период Великих реформ участвовали в обсуждении готовящейся отмены крепостного права, отстаивали идею создания земского самоуправления в России, надеясь, что оно послужит основой для будущего всероссийского представительного органа.

Историки государственно-юридической школы стремились рассматривать историческое развитие России в сравнительно-исторической перспективе. Самый яркий пример – труд Б.Н. Чичерина «О народном представительстве» (1866), где Земские соборы в Московском царстве XVI–XVII вв. сопоставлялись со сходными сословно-представительскими учреждениями других стран: с английским парламентом, Генеральными штатами во Франции, германскими ландтагами. Будучи близки по общественно-политическим взглядам к западникам, историки государственно-юридической школы, тем не менее, не пытались игнорировать или преуменьшать различия между Россией и странами Западной Европы.

Методологической основой трудов К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и С.М. Соловьева была философия истории Гегеля, идея диалектического развития «форм нравственной жизни»: от стадии ро-

дового быта, кровнородственных союзов, – к гражданскому обществу, представляющему собой сферу взаимодействия отдельных лиц и частных союзов на основе общности интересов, а от гражданского общества – к государству, предписывающему обществу коллективные цели и обязательные для всех законы ради общего блага. Но применительно к русской истории эта схема «работала» с довольно существенными поправками (см. далее о концепции «борьбы родового и государственного начал» у С.М. Соловьева).

Важнейшей особенностью российской истории историки государственно-юридической школы считали географический фактор: огромные равнинные лесные пространства, предоставлявшие простор для крестьянских «переходов» и боярских «переездов», для непрерывной колонизации, освоения и заселения новых земель. Однако постоянная внешняя угроза – степные кочевники, воинственные соседи на Западе – настоятельно требовала образования государства, которое в силу этих причин неизбежно должно было принять деспотический характер: «привычка к расходке в народонаселении», по выражению С.М. Соловьева, уравнивалась стремлением государственной власти «ловить, усаживать и прикреплать»²⁹.

Для характеристики социально-политического строя Московской Руси XVI–XVII в. ими была сформулирована концепция «закрепощения сословий» (термин Б.Н. Чичерина), согласно которой все слои русского общества того периода, от боярина до холопа, были своеобразными крепостными государства: служилый человек был прикреплен к пожизненной и наследственной службе, горожанин – к своему тяглу, крестьянин – к земле. Только с эпохи Екатерины II, как считали Чичерин и Кавелин, в истории России начинается обратный процесс – «раскрепощение сословий». Вначале этот процесс затронул дворян, освобожденных от обязатель-

²⁹ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 249–250.

ной государственной службы; затем – высшие городские классы; и, наконец, в правление Александра II свободу получили крестьяне. Тем самым, доказывали историки, в середине XIX в. были созданы предпосылки для формирования гражданского общества.

5.3. Историческая концепция С.М. Соловьева

За свою жизнь Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) прошел в Московском университете путь от студента до ректора: с 1855 по 1869 годы занимал пост декана историко-филологического факультета; с 1871 по 1877 был ректором.

Главным трудом всей жизни С.М. Соловьева стала «История России с древнейших времен» в 29 томах (1851–1879). Изначально этот труд был задуман автором для разработки университетского курса русской истории.

Соловьев ввел в научный оборот новый пласт исторических источников по истории XVII–XVIII вв. – хранившихся в архивах министерств актовых документов и материалов канцелярского делопроизводства, позволявших наглядно представить, как шла повседневная административная работа, какими проблемами были вызваны те или иные реформы, как откликалось на нововведения население России.

Для Соловьева история представляла собой процесс непрерывного органического развития, где каждое явление внутренне обусловлено, и каждый исторический период «естественно и необходимо» вытекает из предшествующего. Он рекомендовал своим ученикам «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм»³⁰. Един-

³⁰ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн.1: История России с древнейших времен. Т.1–2. М.: Голос, 1993. С. 51.

ственное исключение Соловьев делал для эпохи петровских реформ, которые считал важнейшим событием в отечественной истории. Изложение российской истории было доведено в его труде до правления императрицы Елизаветы Петровны. Помимо «Истории России с древнейших времен», Соловьев опубликовал ряд крупных работ: «История падения Польши» (1863), «Восточный вопрос 50 лет назад» (1876), «Император Александр Первый: Политика – Дипломатия» (1877); самостоятельный научный труд с просветительским уклоном представляли собой «Публичные чтения о Петре Великом» (1872).

Историю каждого народа, как полагал Соловьев, определяют несколько факторов: природа страны; природа племени; наконец, внешние воздействия.

1) *Природа страны.* Соловьев первым из отечественных историков подробно разработал вопрос о роли географического фактора в российской истории. В основе различий между историей России и Западной Европы, с его точки зрения, лежит природное несходство двух частей европейского континента: «западной, каменной, и восточной, деревянной». Особенности восточно-европейского ландшафта, по мнению Соловьева, обусловили относительную легкость колонизации новых пространств, а колонизация, в свою очередь, определила характер государственного устройства и отношения между сословиями.

2) *Природу племени* Соловьев считал одним из самых благоприятных факторов русской истории – через всю «Историю России с древнейших времен» сквозной линией проходит образ русского человека-богатыря (землепроходца, воина, монаха-подвижника).

3) *Внешние воздействия,* по мнению Соловьева, были самой драматичной стороной русской истории. Историю Киевской и Московской Руси он рассматривал как «борьбу леса и степи», то

есть оседлых земледельцев-славян и воинов-кочевников, волна за волной накатывавших из глубин азиатского континента на русскую землю. В конце концов благодаря напряжению всех сил российского государство смогло справиться со степной опасностью: если до XVI века на Россию наступала Азия, то с середины XVI века в ответное наступление перешла Россия.

Наряду с «борьбой леса и степи» Соловьев прослеживал в русской истории столь же ожесточенную борьбу, занявшую несколько столетий: борьбу родового и государственного начал. Родовой быт, с точки зрения Соловьева, был отправной точкой русской истории, как и истории любого другого народа; он господствовал в период от Рюрика (вторая половина IX в.) до Андрея Боголюбского (середина XII в.). Родовой строй определял взаимоотношения князей и характер политического строя: власть принадлежала княжескому роду в целом, поэтому каждая «земля» признавала над собой власть Рюриковичей, но могла призвать на престол любого представителя этого рода. В эпоху раздробленности (XIII–XV вв.) именно родовая связь между князьями оказалась «нравственной силой», способной «охранить государственное единство». Но, начиная с правления Андрея Боголюбского, в борьбу с родовым началом вступает противоположное начало — государственное, воплощающее в себе идею народного единства и общего блага. Только единовластное государство, согласно концепции Соловьева, было способно обеспечить надежную защиту России от степной опасности и начать ответный натиск на степь. Борьба родового и государственного начал, по Соловьеву, была долгой и прошла несколько этапов; ее кульминация разыгралась в эпоху от Ивана III до Смутного времени. После окончания Смутного времени стало возможным говорить об окончательном торжестве государственных отношений над родовыми, что и подготовило исторические условия для реформ Петра Великого.

Соловьев доказывал, что петровские реформы явились своевременным ответом на настоятельные потребности страны и эпохи. Смысл реформ Петра заключался в том, что к началу XVIII века «бедный народ сознал свою бедность и причины ее чрез сравнение себя с народами богатыми и устремился к приобретению тех средств, которым заморские народы были обязаны своим богатством» – к развитию промышленности, торговли и мореплавания, науки и образования³¹.

Появлением «Истории России с древнейших времен» завершилась целая эпоха в развитии русской исторической науки – эра многотомных исследований, авторы которых ставили своей целью подробное освещение всего хода русской истории от первых сведений о славянах до современной им эпохи. После Соловьева в исторической науке наступила эпоха монографий, посвященных какому-либо конкретному вопросу, и кратких учебных курсов.

5.4. Демократическое направление в российской исторической науке

Задача изучения истории народа, а не только государства, была поставлена в России еще в 1820–1830-е гг. (Н.А. Полевой); но условия для ее выполнения созрели только в середине столетия: этому способствовали становление этнографии как научной дисциплины, собирание и изучение фольклора. Отмена крепостного права и дальнейшие реформы 1860–1870-х гг. стали мощным стимулом научного интереса к истории народа. Этот интерес воплотился в деятельности историков, принадлежавших к «демократическому направлению» в науке.

³¹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. С. 30, 37.

Ключевые различия между *научной школой* и *направлением* состоят в том, что между учеными, принадлежащими к одному направлению, могут отсутствовать непосредственные коммуникации, а научная преемственность может носить заочный характер.

Главными представителями демократического направления в российской исторической науке 1850–1870-х гг. были Н.И. Костомаров и А.П. Щапов; оба стремились в своей научной работе «выдвинуть на первый план народную жизнь во всех её частных проявлениях»³².

Сферой научных интересов Н.И. Костомарова была история казачества: запорожским казакам посвящены его работы «Богдан Хмельницкий» (1857), «Мазепа и мазепинцы» (1884), донским – «Бунт Стеньки Разина» (1858); роль казаков в Смуте Костомаров рассматривал в работе «Смутное время Московского Государства в начале XVII столетия» (1866–1868). Он уделял внимание изучению повседневной жизни народа («Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», 1860). В его обобщающем труде, «Русской истории в жизнеописаниях» (1872), биографии правителей из династий Рюриковичей и Романовых приводятся рядом с биографиями церковных деятелей (иерархов, проповедников, лидеров раскола) и казаков, в том числе землепроходцев и предводителей народных восстаний. В истории казачества и городов-республик Древней Руси – Новгорода и Пскова – Костомаров видел доказательство способности русского народа к самоорганизации и самоуправлению на началах демократии и федерализма.

В свою очередь, А.П. Щапов разрабатывал историю церковного раскола середины XVII в. и дальнейшую историю старообрядчества в России («Русский раскол старообрядства», 1859; «Земство и раскол», 1862). Глубинной причиной церковного раскола,

³² Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 113.

как доказывал историк, были не внутрицерковные проблемы, а проблемы всего общества: утверждение крепостного права и наступление централизованной бюрократии на традиции областного самоуправления. В идеологии старообрядцев, по мнению Щапова, приверженность «старине», религиозным обрядам и бытовым традициям допетровских времен, сочеталась со стремлением воплотить на практике народные представления о справедливости и организовать жизнь общин на демократических началах.

К демократическому направлению относят также таких историков, как М.И. Семевский (его монография «Слово и дело. Тайная канцелярия при Петре Великом в 1720–1725 гг.», 1861-1862, была посвящена изучению народной реакции на петровские реформы по материалам следственных дел); И.Г. Прыжов (автор работ «Нищие на святой Руси», 1862, и «История кабаков в России», 1868); Д.Л. Мордовцев (его труд «Самозванцы и понизовая вольница», 1867, был посвящен истории вольного казачества и разбойничьих шаек на Волге в период между восстаниями Разина и Пугачева).

В конце XIX в. в российской исторической науке формируется новая область исследований – история крестьянства. В этой сфере работали В.И. Семевский («Крестьяне в царствование Екатерины II», магист. дисс., 1881; «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века», докт. дисс., 1889) и А.Я. Ефименко («Дворищное землевладение в Южной Руси: исторический очерк», 1892).

Государственно-юридическая школа и демократическое направление в российской исторической науке XIX в. во многом были взаимодополняющими противоположностями: для одних был характерен интерес к становлению государственности в России, для других – к истории «простого народа» и народных движений. Но в научных трудах тех и других был намечен поворот от чисто политической к социальной истории, и эта новая тенденция нашла свое развитие в конце XIX – начале XX в.

Вопросы для самопроверки

1. Как изменились условия развития исторической науки в России в эпоху Великих реформ?
2. Какие новые научные школы и направления возникают в российской исторической науке в середине XIX в.?
3. Кто из российских историков XIX в. выдвинул и развивал следующие концепции истории России:
 - a. борьба родового и государственного начала;
 - b. борьба леса и степи;
 - c. закрепощение сословий?

Кратко охарактеризуйте содержание каждой из этих концепций. С историей какой научной школы они связаны?

4. В чем заключалось научное новаторство «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева в сравнении с предшествующими историческими исследованиями?

5. А.П. Щапов начал свою первую лекцию в Казанском университете словами: «Не с мыслию о государственности, не с идеей централизации, а с идеей *народности и областности* я вступаю на университетскую кафедру русской истории». Как эти принципы отразились в его научной работе и в трудах других историков демократического направления?

Историографические источники

1. Кавелин, К.Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры / К. Д. Кавелин. – Москва: Правда, 1989. – 653 с.
2. Костомаров, Н.И. Быт и нравы русского народа, XVI–XVII вв. / Н.И. Костомаров. – Смоленск: Русич, 2011. – 510 с.

3. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. [В 3 т.] / Н.И. Костомаров. – Ростов н/Д: Феникс, 1995.

4. Соловьев, С.М. Публичные чтения о Петре Великом / С.М. Соловьев. – Москва: Наука, 1984. – 231 с.

5. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн.1: История России с древнейших времен. Т.1-2 / С.М. Соловьев. – М.: Голос, 1993. – 751, [1] с.

6. Соловьев, С.М. Чтения и рассказы по истории России / С.М. Соловьев. – Москва: Правда, 1989. – 765 с.

Рекомендуемая литература

1. Боярченков, В.В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века / В.В. Боярченков. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. – 251 с.

2. Вернадский, Г.В. Русская историография / Г.В. Вернадский. – Москва: Аграф, 1998. – 447 с.

3. Киреева, Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина / Р. А. Киреева. – Москва: ОГИ, 2004. – 506 с.

4. Милуков, П.Н. Очерки истории исторической науки / П.Н. Милуков. – Москва: Наука, 2002. – 539 с.

5. Новикова, Л.И. Русская философия истории. Курс лекций / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – 2-е изд., доп. – Москва: Аспект-Пресс, 1999. – 398 с.

6. НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX В.

6.1. Позитивизм в научной мысли XIX в.

Методологической основой гуманитарных и общественных наук во второй половине XIX в. становится позитивизм – теоретическое течение, для которого было характерно стремление к получению «положительного», то есть подлинно научного (в отличие от богословского и метафизического) знания о мире. С точки зрения основоположников позитивизма (французского мыслителя О. Конта, английского социолога Г. Спенсера), позитивное знание должно опираться на результаты научного наблюдения и эксперимента; задачей научного познания должно быть выявление «постоянных отношений сходства и последовательности» (закономерностей). Позитивисты стремились к созданию новой научной дисциплины, *социологии*, цель которой должна состоять в открытии и изучении закономерностей развития человеческого общества; познавая законы истории, считали они, человек сможет направлять развитие общества в нужном направлении и прогнозировать будущее.

Крупнейшие российские историки-позитивисты, работавшие в конце XIX – начале XX в., – специалисты по всеобщей истории М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, знаменитый историк России В.О. Ключевский – были убеждены, что историческая наука, как и социология, должна работать над установлением законов развития общества, выведением «формул истории». Основой для определения законов истории, с их точки зрения, должно быть изучение повторяющихся фактов, массовых источников; предметом исторического изучения должны быть крупные социальные группы (классы) и взаимоотношения между ними. Сферой интересов этих ученых была история социально-экономических

отношений, а также социальной основы политики. М.М. Ковалевский стал создателем «теории факторов», согласно которой, социологи и историки должны рассматривать развитие общества как сферу взаимодействия множества влияющих друг на друга факторов: природно-климатического, демографического, экономического, психологического, культурного и многих других. При этом, настаивал Ковалевский, ни один из этих факторов нельзя считать «первичным и главнейшим», чтобы избежать односторонности и догматизма. «Теория факторов» Ковалевского оказала мощное воздействие на российскую историческую науку, став достойной заменой устаревшей к тому времени гегельянской схеме «государственно-юридической школы».

В последней четверти XIX в. в российской исторической науке сложилось несколько влиятельных научных школ, опирающихся на принципы позитивистской доктрины. Русская историческая школа, лидером которой был М.М. Ковалевский, объединяла ведущих специалистов по истории зарубежных стран; московская школа, известная также как «школа В.О. Ключевского», и петербургская школа во главе с К.Н. Бестужевым-Рюминым, специализировались в сфере отечественной истории.

6.2. «Московская школа» («школа Ключевского»)

Лидером московской школы был Василий Осипович Ключевский (1841–1911), выпускник, а впоследствии профессор Московского университета, ученик С.М. Соловьева. Блестящий лектор, он читал в нескольких высших учебных заведениях Москвы курсы лекций по русской истории, а также курсы лекций по методологии истории, истории сословий в России, исторической терминологии, историографии и другим историческим дисциплинам. Огромной популярностью пользовались его публичные лекции (напр., «Добрые люди Древней Руси», 1891). Научные интересы Ключевского

охватывали источниковедение («Сказания иностранцев о Московском государстве», 1866; «Древнерусские жития святых как исторический источник», магист. дисс., 1872), историю государственного управления («Боярская Дума древней Руси», докт. дисс., 1883), социальную историю («Происхождение крепостного права в России», 1885) и многое другое.

«Курс русской истории» Ключевского, в пяти частях и 86 лекциях, освещающих период с древнейших времен до Великих реформ Александра II, был впервые опубликован по инициативе студентов в начале 1900-х годов и с тех пор выдержал множество переизданий. Причиной популярности «Курса» является то, что Ключевский предпринял в нем удачную попытку вывести «формулу» или «схему» русской истории: в нем присутствует четкое разделение исторического процесса на периоды, емкое и сжатое изложение, выразительные характеристики эпох, людей и событий, доступное объяснение сложных исторических проблем. Известности Ключевского способствовало и то, что он всегда стремился сближать прошлое и современность, делать историю актуальной.

Принципы научных трудов В.О. Ключевского были близки к позитивизму. Он выделял три важнейших фактора исторического развития: «человеческую личность, людское общество и природу страны»³³.

Природа страны, как был убежден историк, оказывает сильнейшее воздействие на национальный характер и темперамент. По его мнению, психология «великоросса» – то есть русского народа – в основе своей сложилась в период расселения славян в междуречье Оки и Верхней Волги, и поэтому в народном характере навсегда отпечатались природно-климатические особенности Центрального Нечерноземья с его коротким и ненастным летом,

³³ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций в трех книгах. Кн.1. М.: Мысль, 1993. С. 10.

оставляющим очень мало времени для активных сельскохозяйственных работ: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии»³⁴.

«Людское общество», или же «людские союзы», согласно Ключевскому, являются главным предметом изучения истории; при их изучении историк должен «быть по преимуществу социологом»³⁵. Воссоздавая историю того или иного исторического периода, Ключевский в первую очередь стремился выявить, из каких социальных групп слагалось общество на том этапе; каково было материальное положение, права и обязанности, традиции и образ жизни каждой из этих групп; в каких отношениях находились они друг к другу и к государству; как все это повлияло на ход исторических событий. В частности, Ключевский первым стал рассматривать Смутное время начала XVII века как социальный конфликт, в который были вовлечены все слои русского общества того времени: начало смуты боярство, стоявшее на самом верху социальной лестницы, затем, борясь за свои интересы, в Смуту последовательно вступили столичное и провинциальное дворянство, и, наконец, «низшие классы» - посадские люди, казаки, крестьяне и холопы.

Но, если для марксистов между враждующими классами не может быть ничего общего и никакого примирения, то Ключевский стремился разглядеть в русской истории силу, способную объединить общество вопреки классовой розни. Такой силой для историка была сила традиций в самом широком смысле этого сло-

³⁴ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. С. 276–280.

³⁵ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 6. Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. С. 9–10.

ва: религиозных, бытовых и нравственных. Примером внутренне цельного общества, единство которого держалось на традиционном укладе жизни, Ключевский считал Московскую Русь XVI–XVII вв., где, по его мнению, не существовало непроходимой пропасти между высшими и низшими социальными слоями. Эту пропасть, как считал Ключевский, создала европеизация культуры при Петре I и дарованное Екатериной II освобождение дворян от обязательной службы.

«Человеческая личность» – третья «историческая сила», действие которой прослеживал в прошлом России Ключевский. Несколько лекций в «Курсе русской истории» представляли собой своеобразные историко-психологические портреты наиболее ярких деятелей русской истории: «Личность царя Ивана Васильевича Грозного»; «Царь Алексей Михайлович»; «Петр Великий, его наружность, привычки, образ жизни и мыслей, характер»; «Императрица Екатерина II» и др. В этих лекциях труд историка сближался с литературным творчеством. Ключевский стремился, во-первых, подчеркнуть неповторимые индивидуальные качества своих исторических персонажей; во-вторых, выделить совокупность обстоятельств, наложивших свой отпечаток на их характеры; и, наконец, показать каждого из них как представителя своей исторической эпохи, с ее уровнем культуры и моральными нормами.

Важнейшим фактом русской истории Ключевский считал *колонизацию* – расселение народа по огромным пространствам континента от восточноевропейской равнины до берегов Тихого океана. Он отмечал, что с каждым новым переселением изменялись «формы общежития», а народная жизнь получала «особое направление, особый склад и характер». Ключевский выделял в истории России несколько периодов, каждый из которых он освещал по следующей схеме: перемены в экономике (появление новых отраслей хозяйства или изменение их сравнительной важности);

в общественном устройстве (деление общества на социальные слои, отношения между ними); в политическом строе; наконец, в культуре и повседневной жизни.

В результате на страницах «Курса русской истории» вырисовалась следующая панорама отечественной истории.

VIII – XIII вв. – «Русь днепровская, городовая, торговая». Ключевский характеризовал Киевскую Русь как «городовую», потому что каждый город с тяготеющей к нему сельской округой представлял собой тогда самостоятельную политическую единицу. Он считал тот период «торговым», поскольку именно торговый путь «из варяг в греки», по его мнению, сыграл ведущую роль в образовании древнерусского общества и государства.

XIII – сер. XV вв. – «Русь верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая». Постоянная угроза со стороны степняков, как считал Ключевский, привела к массовой миграции населения Киевской Руси с плодородных днепровских черноземов в недоступные леса междуречья Оки и Верхней Волги, на скудные, зато относительно безопасные земли. Господствующей отраслью хозяйства теперь стало земледелие, поскольку верхневолжские земли оказались в стороне от мировых торговых путей. В политическом отношении господствовала удельно-вотчинная система: каждая земля была вотчинной собственностью той или иной княжеской семьи. Наконец, термин «вольно-земледельческая» означал, что крепостное право еще не сложилось: колонизация новых земель на север от Верхней Волги вплоть до Белого моря совершалась силами вольных крестьян и монастырей.

C сер. XV до второго десятилетия XVII вв. – «Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая». К началу этого периода бывшие княжеские уделы были собраны в единое государство; утвердилась царская власть с Боярской Думой и Земским Собором; а бывшие удельные князья вместе со своими бо-

ярами и с перешедшими на русскую службу татарскими «царевичами» влились в состав московского боярства, сформировав тем самым правящий слой нового государства. Социальную систему Московской Руси Ключевский охарактеризовал как «военно-земледельческую»: служилые люди (дворяне) отбывали государственную воинскую повинность, а чтобы гарантированно обеспечить служилых людей рабочей силой, были закрепощены крестьяне. Таким образом, Ключевский, как и его предшественники, историки «государственной школы», считал, что в Московской Руси существовала система всеобщего закрепощения сословий.

Особенность подхода Ключевского была в том, что, с его точки зрения, крепостничество в России устанавливалось постепенно, в течение всего XVI в., и выросло из частных долговых обязательств – из ссуд, которые давали крестьянам «на обзаведение» богатые землевладельцы, и с которыми крестьяне не могли расплатиться поколениями, попадая, таким образом, в кабальную зависимость. Правительству Бориса Годунова в конце XVI в. осталось лишь превратить эту частную практику в общий принцип.

С начала XVII до середины XIX вв., по Ключевскому, наступил новый этап русской истории – «всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского». Главная особенность этого периода состояла в том, что изменилась расстановка социальных сил. Правящим сословием вместо боярства стало дворянство, постепенно добившееся освобождения от обязательной военной и гражданской службы. Однако именно с этого момента, подчеркивал Ключевский, в России началась «непримиримая рознь сословий». Прямым следствием «раскрепощения дворянства», как доказывал историк, стали многочисленные крестьянские восстания XVIII–XIX вв., в том числе и самое страшное из них – «пугачевщина», направлен-

ная не против того или иного «плохого барина», а против дворянства в целом как сословия.

Новый этап русской истории, согласно Ключевскому, начался в правление Александра II, с того момента, когда государство наконец освободило крестьян от многолетней крепостной неволи³⁶.

Ключевский создал свою научную историческую школу, которую в литературе иногда называют «*московской школой*», а иногда — «школой Ключевского». К ней принадлежали П.Н. Милуков, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, Н.А. Рожков (они, защитившие диссертации под руководством Ключевского, составляли «ядро» его учеников), а также С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев, М.Н. Покровский, С.К. Богоявленский, В.А. Рязановский, М.Н. Карпович, Г.В. Вернадский и многие другие. Отличительной чертой «школы Ключевского» был преимущественный интерес к социально-политическим аспектам отечественной истории; стремление к синтезу истории и социологии, к построению «социологических схем»; внимание к географическому и экономическому факторам исторического процесса.

Труды учеников Ключевского были посвящены таким проблемам российской истории, как история колонизации («Историческая география России в связи с колонизацией» М.К. Любавского, 1909); экономическая история («Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» П.Н. Милукова, 1892; «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» Н.А. Рожкова, 1899; «Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси» Ю.В. Готье, 1906); история местного управления и самоуправления («Областная реформа Петра Великого. Провинция.

³⁶ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. С. 20–23.

1719–1727 гг.» М.М. Богословского, 1902; «Посадская община в России XVIII столетия» (1903) и «Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария» (1909) А.А. Кизеветтера; «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке» М.М. Богословского, в 2 т., 1909–1912; «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» Ю.В. Готье, 1913). Стержневой идеей трудов представителей «школы Ключевского» было убеждение, что успех или неуспех любых инициатив власти зависит от того, соответствуют ли эти инициативы потребностям, интересам, уровню экономического и культурного развития общества.

Наиболее масштабное обобщение хода российской истории было предпринято в трехтомном труде П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» (1896–1903); при жизни автора работа переиздавалась 8 раз, причем для каждого нового издания он перерабатывал и дополнял свой труд. Понятие «культура» в этом труде употреблялось в самом широком значении, включая в себя экономическую, социальную, государственную, умственную, нравственную, религиозную и эстетическую сферы человеческой деятельности. Соответственно, в «Очерках» освещалась история заселения территории России, государственное устройство, сословный строй, экономическое развитие страны с XIV–XV вв. и до современного Милюкову периода; история церкви; история школы и просвещения; наконец, история общественной мысли, показанная сквозь призму борьбы «национализма и европеизма». Стержнем российской истории Милюков считал сложные взаимоотношения государства, церкви и общественности / интеллигенции, их борьбу за духовное влияние на народ и за систему образования и просвещения.

6.3. «Петербургская школа» в исторической науке

«Отцом-основателем» этой школы, возникшей практически одновременно с московской, был Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Выпускник Московского университета, слушавший лекции С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина, с 1868 г. он возглавил кафедру русской истории Петербургского университета; был инициатором открытия и первым директором Высших женских курсов в Санкт-Петербурге («Бестужевских курсов»), действительным членом Академии наук. Как и В.О. Ключевский, Бестужев-Рюмин был великолепным лектором. Как и у Ключевского, самый известный труд Бестужева-Рюмина «Русская история» (в 2 т., 1872–1885) был издан как учебное пособие для студентов. Этот труд считается лучшей источниковедческой и историографической работой в до-революционной России: в «Русской истории» содержится подробный обзор и характеристика исторических источников и предшествующих научных трудов по истории России.

Бестужев-Рюмин глубоко занимался источниковедческими исследованиями; в его магистерской диссертации «О составе русских летописей до конца XIV века» (1868) впервые была выдвинута и доказана гипотеза, что «Повесть временных лет» представляет собой не целостный памятник, а древнейший из дошедших до потомков летописный свод. Ему принадлежит одна из первых работ по российской историографии: «Биографии и характеристики. Татищев, Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг» (1882). Труды Бестужева-Рюмина сыграли ключевую роль в становлении нескольких научных дисциплин в России – историографии, источниковедения и методологии истории.

Бестужев-Рюмин создал свою научную школу, которую составили ученые более молодого поколения – С.Ф. Платонов, М.Д. Чечулин, Е.Ф. Шмурло, С.М. Середонин, В.Г. Дружинин, А.С. Лаппо-Данилевский, а впоследствии и их ученики –

С.В. Рождественский, А.Е. Пресняков, Н.П. Павлов-Сильванский, Б.Д. Греков, М.А. Полиевктов, П.Г. Васенко, А.И. Заозерский, П.Г. Любомиров, А.И. Андреев, С.Н. Валк, А.А. Введенский, Б.А. Романов и др. Определяющими чертами петербургской школы, по мнению исследователей, было особое отношение к историческому источнику: интенсивная деятельность по поиску, описанию и изданию исторических памятников, нелюбовь к теоретизированию³⁷.

Между «московской» и «петербургской» школами в исторической науке возникло своеобразное научное соперничество. Несмотря на то, что и К.Н. Бестужев-Рюмин, и В.О. Ключевский считали себя последователями великого русского историка С.М. Соловьева, они по-разному понимали задачи исторического исследования и стремились соответственно воспитать своих учеников. «Петербургская школа» сосредоточила свое внимание на углубленном изучении исторических источников; «московская школа» стремилась строить широкие историко-социологические обобщения, выводить «схемы» и «формулы» исторического процесса. Однако в начале XX века наметился путь к соединению традиций двух школ; эта тенденция нашла выражение в научных трудах С.Ф. Платонова.

С.Ф. Платонов известен как крупнейший специалист по истории Смутного времени. Этому периоду были посвящены его магистерская диссертация «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник» (1888) и докторская – «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков» (1899). Научный метод Платонова стал синтезом подходов «петербургской» и «московской» школ: ему были свойственны терпеливая критическая проверка аутентичности и достоверности исторических источников; стремление увидеть за политическими

³⁷ Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 147, 152.

столкновениями сплетение социальных интересов; способность учитывать самые разнообразные факторы исторического процесса – в первую очередь экономический и демографический. Его труды о Смутном времени включали в себя источниковедческий компонент (Платонов выявил 60 ранее неизвестных повестей и сказаний о Смуте), подробный экскурс в историческую географию (вводная глава «Области Московского государства» представляла собой подробное описание всех регионов страны на конец XVI – начало XVII вв., характеристику каждого из них «со стороны природных особенностей, социального и хозяйственного строя, степени населенности и политического настроения»³⁸), наконец, детальный анализ политических и социальных предпосылок Смуты.

Излагая историю политических бурь Смутного времени, историк стремился установить, интересы каких общественных слоев крылись за тем или иным событием, выяснить, для каких социальных слоев Смута стала проигрышем, а для кого – победой. В ходе Смуты, как доказывал Платонов, поражение потерпело «старое боярство»; казачество, претендовавшее на то, чтобы занять место нового «служилого сословия»; а также крестьянство, которому не удалось избавиться от закрепощения. Победу же одержали «средние общественные слои»: дворяне, ставшие новым господствующим классом взамен боярства, и «лучшие» посадские люди³⁹. Политическим органом победивших социальных слоев, с точки зрения Платонова, стал Земский собор; их манифестом – Соборное Уложение 1649 г., утвердившее крепостной строй в интересах дворянства и городской верхушки.

³⁸ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изуч. обществ. строя и сослов. отношений в Смут. Время. 5-е изд. М.: Памятники ист. мысли, 1995. С. 427.

³⁹ Там же. С. 365–366.

Из представителей третьего поколения «петербургской школы» следует отметить ученика С.Ф. Платонова, Н.П. Павлова-Сильванского, чей труд «Феодализм в Древней Руси» (1907) содержал подробный сравнительно-исторический анализ политических и правовых институтов, существовавших в средние века в России и в Европе: общины, вотчины, отношений крестьян и землевладельцев, феодального иммунитета, условного и наследственного землевладения, вассальной иерархии. По мнению Н.П. Павлова-Сильванского, удельно-вечевой строй, сложившийся в Северо-Восточной Руси в XIII – первой половине XIV в., был частным примером феодальных порядков, типичных для всей средневековой Европы. Так, русской волостной общине, по мнению историка, соответствовала германская марка; «боярщине», то есть крупному земельному владению, соответствовала европейская сеньория; поместье, в свою очередь, соответствовало феоду-бенефицию, который сеньоры жаловали своим вассалам на условиях несения военной службы. Для феодализма, по мнению ученого, повсюду в Европе – от Англии до России – были характерны одни и те же основные черты: в политическом отношении – разделение страны на множество независимых и полунезависимых владений («раздробленность») и объединение этих владений договорными вассальными связями; в экономическом отношении – натуральное хозяйство, крупное землевладение, несение крестьянами повинностей в пользу земледельцев.

После публикации этой работы в академическом сообществе вспыхнула бурная дискуссия по вопросу о сходстве социально-политического строя Руси и европейских стран. Против концепции Павлова-Сильванского выступили П.Н. Милюков и В.О. Ключевский, считавшие, что сходство с европейскими социальными институтами скорее следует искать в Великом княжестве Литовском, а не в Северо-Восточной Руси. Поддержали Павлова-Сильванского

Н.И. Кареев, С.Ф. Платонов, а также молодые ученые, увлекавшиеся марксизмом – А.Е. Пресняков, Н.А. Рожков, Б.Д. Греков; их точка зрения впоследствии утвердилась в советской науке. Однако в этих спорах сам термин «феодализм» изменил свое значение: в советской науке под ним стали подразумевать уже не совокупность определенных экономических и политических черт, а исключительно эксплуатацию крестьянских масс землевладельцами, сопровождающуюся «внеэкономическим давлением».

Дискуссия вокруг труда Павлова-Сильванского, таким образом, стала частью споров о принадлежности России к Западу или к Востоку, к Европе или к Азии, а также о характере социально-экономического и политического строя российского общества до образования централизованного государства.

Наследие московской, петербургской, русской исторической школ, сформировавшихся в последней четверти XIX в., заложило прочную основу для дальнейшего развития исторической науки; традиции этих научных школ прослеживаются в отечественной исторической науке вплоть до наших дней.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте основные особенности позитивизма как научно-теоретического направления. Кто из крупных российских историков второй половины XIX – начала XX в. опирался в своих трудах на принципы позитивизма?
2. Какую роль, с точки зрения В.О. Ключевского, сыграла колонизация новых пространств в истории России?
3. Какой смысл вкладывал Милоков в понятие «культура»? Какие сферы культуры он исследовал в своем труде «Очерки по истории русской культуры»?

4. Кто из ученых «петербургской школы» занимался источниковедческими исследованиями? Какие группы источников они ввели в научный оборот?

5. В чем С.Ф. Платонов видел причины социального конфликта начала XVII в.? Какие социальные слои, с точки зрения С.Ф. Платонова, потерпели в ходе Смуты поражение, а какие одержали победу? К каким последствиям привела эта победа?

Историографические источники

1. Бестужев-Рюмин, К.Н. Русская история. До эпохи Ивана Грозного / К. Н. Бестужев-Рюмин. – Москва: Академический проект: Культура, 2015. – 701 с.

2. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – Т. 7: Специальные курсы. – Москва: Мысль, 1989. – 508 с.

3. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций в трех книгах / В.О. Ключевский. – Москва: Мысль, 1993.

4. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3-х томах / П.Н. Милюков. – Москва: Прогресс: Культура, 1993–1995.

5. Платонов, С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изуч. обществ. строя и сослов. отношений в Смут. время / С. Ф. Платонов. – 5-е изд. – Москва: Памятники ист. мысли, 1995. – 469 с.

Рекомендуемая литература

1. Алеврас, Н.Н. В.О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная историография») / Н.Н. Алеврас // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – № 2(18). – С. 99–113.

2. Гришина, Н.В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н.В. Гришина. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 288 с.

3. Киреева, Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. / Р.А. Киреева. – Москва: Наука, 1990. – 264 с.
4. Малинов, А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов / А.В. Малинов. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 213 с.
5. Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества / М.В. Нечкина. – Москва: Наука, 1974. – 635 с.
6. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / С. П. Бычков и др.; под ред. В. П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 683 с.
7. Эммонс Т. Ключевский и его ученики / Т. Эммонс // Вопросы истории. – 1990. – № 10. – С. 45–61.

7. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

7.1. Дискуссия о «кризисе исторической науки» начала XX в.

Термин «кризис исторической науки» для характеристики ее состояния на рубеже XIX–XX вв. был введен в научный оборот ведущим российским специалистом по истории античности Р.Ю. Виппером. «Кризис исторической науки» для него означал не упадок, а скорее отказ от прежнего понимания задач и возможностей науки: смысл кризиса состоял, по мнению историка, в отказе от «тех научно-познавательных приемов, которые господствовали в период, лежащий позади нас, период “позитивизма”», и в попытках сформировать новую «теорию исторического познания»⁴⁰.

Со страниц работ Виппера термин «кризис исторической науки» перешёл в труды историков-марксистов. Представление о «кризисе», разразившемся в исторической науке на рубеже XIX–XX вв., в советской историографии было идеологизированным: важнейшим его признаком считалось отсутствие единой методологии в «буржуазной исторической науке» – в отличие от концептуально-теоретической целостности советской исторической науки, опирающейся на принципы марксистско-ленинского учения⁴¹.

Поворот к более глубокому изучению «кризиса исторической науки» наметился на рубеже 1970–1980-х гг. В работах И.Д. Ковальченко, А.Е. Шикло, Б.Г. Могильницкого было высказано мнение, что так называемый «кризис русской буржуазной исторической науки» начала XX в. «не представляет собой некоего

⁴⁰ Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций. 1900–1912. М.: типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев, 1912. С. 26.

⁴¹ Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной, М.А. Алпатова, Б.Г. Вебера и др. В 4 т. Т.3. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. С. 239.

всеохватывающего упадка», а скорее означает «завершение определенного этапа в развитии явления или процесса» и «возникновение нового качества»⁴².

Современные исследователи трактуют ситуацию в российской исторической науке рубежа XIX–XX вв. как время «ломки представлений о цели, форме, способах исторического знания», конкуренции нескольких научных течений, попыток выработать новую «научно-исследовательскую программу», отличающуюся от позитивистской⁴³.

Позитивизм с его стремлением к научному объективизму, к поиску законов развития общества, действующих по аналогии с законами природы, в свое время привел к обновлению инструментария исторической науки и оказал глубокое влияние на интеллектуальный климат эпохи. Однако к концу XIX в. позитивизм как методология исторического познания перестал удовлетворять многих ученых. Одних не устраивало, что позитивисты изучают историю как многофакторный процесс, не отдавая предпочтения ни одному фактору и не пытаясь отыскать реальную, глубинную основу общественных отношений – как, например, в марксизме. Другие отмечали, что позитивистское стремление преобразовать науки об обществе по образу и подобию естественных наук приводит к игнорированию важных сторон исторической реальности: человеческой субъективности, ценностей, целей, мотивов действий.

Историческая наука оказалась на развилке; один возможный путь ее развития вел к усвоению марксистской теории исторического процесса, другой – к поиску новых подходов, которые поз-

⁴² Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 18–35.

⁴³ Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. М., 1999. С. 215–222.

волили бы понять психологию и мировоззрение людей ушедших эпох, проследить, как с ходом истории меняется сам человек.

7.2. Марксизм в российской исторической науке рубежа XIX–XX вв.

Важнейшие особенности марксистской теории исторического процесса заключаются в понимании истории как процесса смены общественно-экономических формаций, каждой из которых соответствует свой уровень развития производительных сил общества и свой тип производственных (классовых) отношений. Движущей силой развития общества, с точки зрения основателей этого учения К.Маркса и Ф.Энгельса, является развитие производительных сил: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»⁴⁴. При этом, согласно марксистской теории, рождение новых, более высокоразвитых производственных отношений, невозможно без классовой борьбы: антагонистические классы, чьи интересы противоположны друг другу (свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, буржуа и пролетарий), ведут борьбу до той поры, пока в результате победы пролетарской революции в мире не будет установлен бесклассовый коммунистический строй. Поэтому для исследований по истории, написанных с марксистских позиций, был характерен интерес либо к экономической истории (это направление называли «экономическим материализмом»), либо к истории классовой борьбы.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 120.

В последнем десятилетии XIX века в России появилась серия научных работ так называемых «легальных марксистов» – группы ученых-экономистов, в которую входили П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков. Изучая экономический строй России в ее прошлом и настоящем, приверженцы «легального марксизма» искали в сфере экономического развития ключ к пониманию социальных, политических и культурных перемен в жизни страны. Так, Струве в работе «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894) рассматривал влияние железнодорожного строительства на развитие экономики пореформенной России: важнейшими последствиями появления железнодорожной сети он считал разрушение натурально-хозяйственного уклада, превращение земледелия в выгодное товарное производство, преодоление замкнутости самых отдаленных регионов европейской России и встраивание их во всероссийский хлебный рынок. Струве пришел к выводу, что в истории России строительство железных дорог сыграло даже более важную роль, чем отмена крепостного права – по его убеждению, для развития денежного обмена и товарного производства удобные пути сообщения необходимы точно так же, как институт частной собственности, принцип экономической свободы и этика индивидуализма (не случайно триумфальное шествие капитализма началось с морских держав – Англии и Голландии).

В отношении России Струве был убежден: чтобы преодолеть нищету и разорение крестьянства, следует двигаться не назад, к общинному укладу и натуральному хозяйству, а вперед, по пути интенсивного капиталистического развития. «Критические заметки» заканчивались знаменитой фразой: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму!»⁴⁵.

⁴⁵ Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1894. С. 288.

Историко-экономическое исследование М.И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1900) охватывало период XVIII–XIX веков и было посвящено специфике становления фабричного производства в России. Как доказывал исследователь, изначально, в XVII–первой половине XVIII в., фабричное производство возникало по инициативе государства, работало преимущественно на государственный заказ, обеспечивалось рабочей силой за счет принудительного труда и было конкурентоспособным благодаря протекционистской политике правительства – иными словами, создавалось не «снизу», а «сверху». На принудительном труде крепостных держались и помещичьи мануфактуры, возникшие во второй половине XVIII в. Только в XIX в., особенно после отмены крепостного права, считал Туган-Барановский, фабричная промышленность в России стала формироваться на основе частного капитала и вольнонаемного труда – и именно этот период стал временем ее наиболее бурного развития. Особенности развития русской фабрики второй половины XIX в., как доказывал Туган-Барановский, заключались в ее глубоком проникновении в деревенскую, крестьянскую среду: в пореформенной России не только «мужик шел на фабрику», уходя на заработки в город, но и «фабрика шла к мужику», стимулируя развитие в селе кустарного ремесленного производства; в этом он усматривал свидетельство прочности капиталистического уклада в России.

В начале XX в. приверженцами марксизма стали двое из учеников В.О. Ключевского – Н.А. Рожков и М.Н. Покровский. Н.А. Рожков в своих работах «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» (1900, магистерская диссертация), «Город и деревня в русской истории» (1902), «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (ч. 1–2, 1903–1905), «Происхождение самодержавия в России» (1906) стремился отыскать причины становления «дворянской самодержавной монархии» в России.

На обширном документальном материале, с использованием статистических методов Рожкову удалось доказать, что эти причины были прежде всего экономическими: с начала правления Ивана Грозного и вплоть до первых Романовых страна переживала тяжелый аграрный кризис, выразившийся в сокращении посевных площадей и технологическом регрессе земледелия. Причины кризиса автор видел в трудностях перехода от натурального хозяйства к денежному, значительном сокращении численности населения из-за опричнины и войн, массовом бегстве на окраины. Чтобы выйти из затяжного экономического кризиса, как доказывал Рожков, государству пришлось осуществить две радикальные меры: закрепить крестьян и превратить дворянские поместья из неотчуждаемых владений в частную собственность, создав тем самым в стране земельный рынок. В ходе осуществления этих преобразований в России сложилась деспотическая самодержавная власть, которую активно поддерживало среднее и мелкое дворянство. Современные исторические исследования подтвердили правоту Рожкова относительно того, что аграрный кризис в России XVI в. действительно имел место, но в настоящее время важнейшую причину этого кризиса видят в экологическом факторе: истощении и заболачивании почв центральных районов страны (см.: Л.В. Милов, «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», М., 1998).

В отличие от других российских марксистов, М.Н. Покровский был убежден, что важнейшей движущей силой развития общества является не столько экономический прогресс, сколько классовая борьба: именно классовые интересы, с его точки зрения, скрываются под оболочкой национальных движений, религиозных войн, административных реформ, культурных преобразований. «Русская история с древнейших времен» (в 4 т., 1910–1913) Покровского строилась как повествование о сложных взаимоотно-

ношениях общественных классов в отечественной истории: об их борьбе за господство, временных союзах, победах, поражениях и реваншах. В российском обществе XVI–XVII вв. он выделял класс боярства (крупных землевладельцев, ведущих натуральное хозяйство), дворянства (средних и мелких землевладельцев, которые, в отличие от бояр, вели на своих землях товарное хозяйство, ориентированное на рынок), крестьян. Особенностью концепции Покровского было то, что огромную роль в истории России он отводил «буржуазии торгового капитала»; с его точки зрения, именно союз дворян и торгового капитала способствовал становлению абсолютистской монархии и мощного имперского государства (политику Петра I он характеризовал как «торговый капитал в шапке Мономаха»). С XIX в., согласно Покровскому, расклад классовых сил в российском обществе меняется: все большую роль в жизни страны играют «промышленный капитал» и рабочий класс, помещики «обуржуазиваются», а крестьянство переживает процесс расслоения на сельскую буржуазию и сельский пролетариат.

Интерес российских марксистов к изучению экономической истории во многом соответствовал тем традициям, которые были заложены русской исторической и московской научными школами. Ключевский, Милюков и Платонов в своих трудах по истории русского общества XVI–XVIII вв. выработали подходы, позволявшие увидеть за стремительным ходом политических событий сложную игру социальных, в том числе классовых интересов. Марксистская историческая наука усилила и заострила эти тенденции.

7.3. Методологический поворот в исторической науке

На рубеже XIX–XX в. в мировой исторической науке началось формирование нового в сравнении с позитивизмом представления о задачах исторического исследования. Немецкие ученые И.Г. Дройзен, В. Дильтей, Г. Зиммель высказали идею, что целью

исторического познания должно быть не *объяснение* (построение цепочки причинно-следственных связей), а *понимание* внутренней жизни, стремлений и мотивации людей ушедших эпох, которого можно достичь с помощью вживания в их духовный мир. Новое представление о методологических принципах исторической науки выдвинули В. Виндельбанд и Г. Риккерт, представители нового философского течения – неокантианства, опиравшегося на идеи крупнейшего философа эпохи Просвещения И. Канта. Неокантианцы настаивали, что «науки о природе» и «науки о духе» (т.е. о культуре) должны опираться на принципиально разные познавательные принципы: научное знание о природе по своей сути является генерализующим (обобщающим) и номотетическим (устанавливающим законы и правила), а научное знание о духе – индивидуализующим и идиографическим (направленным на описание индивидуальных особенностей исторических фактов и явлений). Грань между явлениями природы и явлениями культуры, согласно Риккерту, заключается в том, что в каждом явлении культуры можно увидеть воплощение какой-либо ценности, значимой для человека, ради которой данное явление и было создано. Поэтому процедуру отбора значимых и не значимых явлений для исторического исследования Риккерт называл «отнесение к ценности».

Поставив проблему понимания внутреннего мира людей прошлого и тех ценностей, которые были для них значимы, мыслители конца XIX в. сделали первые шаги к формированию исторической антропологии – науки о человеке в истории.

В России поворот к историко-антропологической проблематике начался с историков, специализировавшихся на изучении общества Средних веков и раннего Нового времени. Медиевисты «школы И.М. Гревса», изучая европейское Средневековье, искали подходы к изучению реальной жизни средневекового человека»,

его «будничной трудовой и праздничной жизни на протяжении года, его отношения к женщине, детям, болезни и смерти», «его жизненных проявлений и реакций, основных форм и категорий его мироощущения и восприятия жизни»⁴⁶. Один из самых талантливых учеников И.М. Гревса, Л.П. Карсавин, предложил для понимания религиозной жизни Средневековья обратиться к изучению мировоззрения не выдающихся мыслителей, а «среднего религиозного человека», «культурной середины, интеллигенции средних веков», вычленив таким образом «религиозный фонд эпохи» - совокупность «характерных религиозных реакций человека данной группы», «религиозных его навыков в области мысли, чувства и воли»⁴⁷. Стремление воссоздать основные характеристики средневековой картины мира сближает труды Л.П. Карсавина с более поздними по времени работами представителей школы «Анналов» во французской исторической науке и с исследованиями А.Я. Гуревича.

Представитель петербургской школы в исторической науке А.С. Лаппо-Данилевский начинал свой исследовательский путь как специалист по экономической истории и источниковедению («Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований», 1890). В 1910–1913 г. он подготовил учебное пособие «Методология истории», где развернуто обосновал свое понимание целей, задач и методов исторического и источниковедческого исследования.

Как подчеркивал Лаппо-Данилевский, объектом исторического познания является человеческая культура. Для каждой культуры характерны свои познавательные, этические и эстетические ценности; ими определяются мотивы человеческих действий. Без учета

⁴⁶ Добиаш-Рождественская О.А. Духовная культура средневекового Запада. М.: URSS, 2010. 219 с.

⁴⁷ Карсавин Л.П. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. СПб.: Алетейя, 1997. С. 24, 29.

этих мотивов, в свою очередь, невозможно понять логику исторических событий – в любую цепочку причинно-следственных связей вплетаются человеческие поступки. Поэтому задачей исторической науки Лаппо-Данилевский считал понимание ценностей той или иной культуры и мотивов поступков людей, разделявших эти ценности. Решить эти задачи можно только через обращение к историческим источникам.

В исторической науке еще с начала XIX в. утвердилась схема источниковедческого исследования, которая включала внешнюю критику источника (установление его происхождения и проверку подлинности) и внутреннюю критику (определение точного содержания и степени достоверности источника). Лаппо-Данилевский дополнил эту методику еще одной, важнейшей стадией: интерпретацией источника, которая должна быть направлена на понимание как ценностей изучаемой эпохи, так и индивидуальных особенностей конкретного источника и его автора.

При интерпретации исторического источника Лаппо-Данилевский предлагал использовать следующие методы:

- психологический – истолкование источника как продукта чужого «я»; реконструкция целей автора, создавшего источник;
- технический – истолкование технических средств, которые автор применил для воплощения своих идей;
- типизирующий, систематический и эволюционный методы – соотнесение источника со стадией развития и состоянием той культуры, в рамках которой он был создан;
- индивидуализирующий метод – выявление индивидуальных особенностей личности автора и характеристик его творчества⁴⁸.

Методологические идеи Лаппо-Данилевского были новаторскими не только для отечественной, но и для мировой историче-

⁴⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С.316–322.

ской науки. Широкое признание в отечественной историографии они получили только в конце XX – начале XXI века. В настоящее время Лаппо-Данилевского считают родоначальником современной феноменологической школы источниковедения; ее основной принцип – восприятие исторического источника как феномена той культуры, в рамках которой он был создан⁴⁹.

Таким образом, результатом «кризиса исторической науки» стало возникновение новых научных направлений и подходов к изучению истории. В российской исторической науке того времени сосуществовали две линии развития и два представления о задачах исторического познания⁵⁰: одна из них была ориентирована на поиск закономерностей исторического процесса, другая – на разработку новых подходов к историко-культурным исследованиям, позволяющих реконструировать психологию человека и картины мира ушедших эпох.

Вопросы для самопроверки

1. Какой смысл вкладывался в понятие «кризис исторической науки» на разных этапах развития историографии в России? Как изменялись представления о причинах и последствиях «кризиса исторической науки», имевшего место на рубеже XIX–XX вв.?

2. Кто из российских ученых рубежа XIX–XX вв. опирался в своих исследованиях на марксистскую теорию исторического про-

⁴⁹ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008.

⁵⁰ Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века): учеб. пособие. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. С.7; Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: (Анализ отечественных историографических исследований). Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та; Омск: ОмГУ, 2000. С. 7–9, 57.

цесса? Какие проблемы социально-экономического развития России они рассматривали в своих трудах, и к каким выводам приходили?

3. Охарактеризуйте основные особенности неокантианства как научно-теоретического направления. Кто из крупных российских историков рубежа XIX – XX вв. опирался в своих трудах на принципы неокантианства?

4. В чем заключались особенности методологии источниковедческого исследования, разработанной А.С. Лаппо-Данилевским?

5. Можно ли утверждать, что в начале XX в. в российской исторической науке началось формирование историко-антропологического направления? Обоснуйте свое мнение.

Историографические источники

1. Добиаш-Рождественская, О.А. Духовная культура средневекового Запада / О.А. Добиаш-Рождественская. – Москва: URSS, 2010. – 219 с.

2. Карсавин, Л.П. Сочинения: В 2 т. / Л.П. Карсавин. – Т. 2: Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1997. – 418 с.

3. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории / А.С. Лаппо-Данилевский. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 621 с.

4. Маркс, К. Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 13. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 772 с.

5. Струве, П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России / П. Б. Струве. – Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1894. – X, 291 с.

Рекомендуемая литература

1. Виппер, Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций / Р. Ю. Виппер. 1900-1912. – Москва: типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев, 1912. – 321 с.
2. Дорошенко, Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века): учеб. пособие / Н.М. Дорошенко. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – 177 с.
3. Жигунин В.Д. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX-XX вв. / В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. – М., 1999. – С.215–222.
4. Ковальченко, И.Д. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века / И. Д. Ковальченко, А.Е. Шикло // Вопросы истории. – 1982. – № 1. – С.18–35.
5. Корзун, В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: (Анализ отечественных историографических исследований) / В.П. Корзун. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та; Омск: ОмГУ, 2000. – 226 с.
6. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – Москва: РГГУ, 2008. – 360 с.
7. Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной, М.А. Алпатова, Б.Г. Вебера и др. В 4 т. Т.3. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 830 с.
8. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / С. П. Бычков и др.; под ред. В. П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 683 с.
9. Рамазанов, С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 ч. / С.П. Рамазанов. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999–2000.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая наука в России прошла долгий путь развития. С XVIII столетия, когда историческое знание приобрело в полной мере научный характер, и до начала XX века существенную эволюцию претерпели и проблематика исторических исследований, и социальный облик историка, и институциональные структуры, в рамках которых велись исторические исследования, и, наконец, представления о целях и задачах изучения истории.

В XVIII – нач. XIX в. (этот период в развитии российской исторической науки условно можно обозначить «от В.Н. Татищева до Н.М. Карамзина») центрами развития исторической науки были как официальные структуры – Академия наук, так и разнообразные общества, кружки, объединявшие энтузиастов, увлеченных сбором исторических источников и написанием трудов по истории родной страны. Сфера интересов историков того времени охватывала практически исключительно политическую историю, в основном деяния правителей. Преобладающей формой исторических трудов были гранд-нарративы – повествования, охватывающие максимально долгие исторические периоды: от первых известий о славянах в трудах греческих или римских авторов до образования централизованного Российского государства или проверки его на прочность в годы Смутного времени. Задачи изучения истории трактовались прагматически: важнейшей целью исторических штудий считалось извлечение из прошлого наставлений, моральных уроков для потомков. Однако именно в этот период постепенно складывается научная культура: вырабатываются навыки работы с историческими источниками, методика их анализа («внешней и внутренней критики»), формируются принципы публикации источников и научных трудов, вспыхивает первая научная дискуссия (по «норманнскому вопросу»), закладываются основы историо-

графической культуры – ссылок на труды предшественников и обзора их точек зрения на ту или иную проблему.

С 1830–1840-х гг. центры изучения истории перемещаются в университеты; история становится профессией, которой можно научиться. Важнейшей фигурой в развитии исторических знаний становится университетский профессор; формируются первые научные школы, объединенные общим видением задач исторической науки, общей проблематикой и методологией исследований. Происходит постепенный переход от создания многотомных исторических трудов, охватывающих несколько столетий отечественной истории, к монографическим исследованиям, где разрабатывается та или иная конкретная научная проблема. Центральной темой, волнующей историков, становятся отношения государства и общества; объединяя политическую и социальную проблематику, историки стремятся понять логику исторического процесса, причины формирования самодержавной монархии, сословного строя, крепостного права в России. Эти тенденции ярко просматриваются в истории «государственно-юридической школы» (С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин), лидировавшей в исторической науке вплоть до 1880-х гг. В то же время представители демократического направления в отечественной исторической науке (Н.И. Костомаров, А.П. Щапов и другие) стремились фокусировать внимание на истории не государства, а народа, его жизненного уклада и социальных движений.

В последней четверти XIX – начале XX в. в отечественной исторической науке сложились мощные научные школы, опирающиеся на принципы доктрины позитивизма: московская школа, известная также как «школа В.О. Ключевского», петербургская школа во главе с К.Н. Бестужевым-Рюминым, русская историческая школа, лидером которой был М.М. Ковалевский. Отличительной особенностью московской и русской исторической школ был ин-

интерес к социальной истории, стремление работать на стыке истории и социологии, открывая законы и формулы исторического процесса. Сильной стороной петербургской школы были источниковедческие исследования – поиск, введение в научный оборот, глубокий содержательный анализ исторических источников. Видную роль в развитии исторической науки сыграли ученые, которым удавалось творчески объединить сильные стороны разных научных школ: самый яркий пример тому – С.Ф. Платонов, считавший своими учителями и Бестужева-Рюмина, и Ключевского.

Начало XX в. стало для российской исторической науки временем рефлексии, осмысления пройденного пути: именно в этот период сложилась историография как особая научная дисциплина (П.Н. Милюков, В.С. Иконников), появились работы по методологии истории (В.О. Ключевский, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский). Формируются новые научные направления. Историки-марксисты, приверженцы «экономического материализма» (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, Н.А. Рожков) концентрировали свое внимание на изучении экономической и социально-экономической истории; как и позитивисты, они стремились к пониманию исторических закономерностей, в соответствии с которыми сменяют друг друга общественно-экономические формации. В то же время ряд отечественных историков поставил проблему реконструкции культурного облика ушедших эпох, ценностей и мотивов, которыми руководствовались люди прошлого в своих действиях; в работах Л.П. Карсавина и А.С. Лаппо-Данилевского вырисовывались контуры будущего «антропологического поворота» в исторической науке – поворота к изучению того, как с ходом времени меняется сам человек и его картина мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алеврас, Н.Н. В. О. Ключевский и его школа (фрагменты лекционного курса «Отечественная историография») / Н.Н. Алеврас // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – № 2(18). – С.99–113.
2. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа / М.А. Алпатов. В 2 ч. Ч.1: XII–XVII в. – М.: Наука, 1973. – 475 с.; Ч.2: XVII – первая четверть XVIII века. Москва: Наука, 1976. – 454 с.
3. Бердинских, В.В. Ремесло историка в России / В.В. Бердинских. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – 603 с.
4. Боярченков, В.В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20-70-х годов XIX века / В.В. Боярченков. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. – 251 с.
5. Вернадский, Г. В. Русская историография / Г.В. Вернадский. – Москва: Аграф, 1998. – 447 с.
6. Виппер, Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сб. статей и публичных лекций / Р.Ю. Виппер. 1900–1912. – Москва: типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев, 1912. – 321 с.
7. Володина, Т.А. Уваровская триада и учебники по русской истории / Т.А. Володина // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С.117–128.
8. В раздумьях о России: XIX век / Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Е.Л. Рудницкая. – Москва: Археогр. центр, 1996. – 441 с.
9. Гришина, Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 288 с.
10. Данилевский, И.Н. «Повесть временных лет»: герменевтические основы изучения летописных текстов / И.Н. Данилевский. – Москва: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.

11. Данилевский, И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций / И.Н. Данилевский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2001. – 398 с.
12. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. – Москва: Кругъ, 2008. – 799 с.
13. Дорошенко, Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века): учеб. пособие / Н.М. Дорошенко. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – 177 с.
14. Жигунин В.Д. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. / В. Д. Жигунин, Г.П. Мягков // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. – М., 1999. – С.215–222.
15. Зимин, А.А. И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. / А.А. Зимин. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 498 с.
16. Зорькин, В.Д. Чичерин / В.Д. Зорькин. – Москва: Юрид. лит., 1984. – 109 с.
17. Киреева, Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина / Р.А. Киреева. – Москва: ОГИ, 2004. – 506 с.
18. Киреева, Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р.А. Киреева. – Москва: Наука, 1983. – 216 с.
19. Киреева, Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. / Р.А. Киреева. – Москва: Наука, 1990. – 264 с.
20. Клосс, Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков / Б.М. Клосс. – Москва : Наука, 1980. – 312 с.

21. Ключевский, В.О. Сочинения: В 8 т. Т.8: Исследования, рецензии, речи. (1890–1905) / В. О, Ключевский. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 491 с.
22. Ковальченко, И.Д. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века / И.Д. Ковальченко, А.Е. Шикло // Вопросы истории. – 1982. – № 1. – С.18–35.
23. Козлов, В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников / В.П. Козлов. – Москва: Наука, 1989. – 221 с.
24. Корзун, В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: (Анализ отечественных историографических исследований) / В.П. Корзун. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та; Омск: ОмГУ, 2000. – 226 с.
25. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 688 с.
26. Лаппо-Данилевский, А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. / А.С. Лаппо-Данилевский. – Москва: Наука, 1990. – 290 с.
27. Леонтьева, О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX вв.: Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. / О. Б. Леонтьева. – Самара: Сам. ун-т, 2004. – 203 с.
28. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. 3-е изд., доп. – Москва: Наука, 1979. – 352 с.
29. Лотман, Ю.М. Сотворение Карамзина / Ю.М. Лотман. – Москва: Мол. гвардия, 1998. – 382 с.
30. Лурье, Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. / Я.С. Лурье. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 283 с.
31. Малинов, А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов / А.В. Малинов. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 213 с.

32. Маловичко, С.И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография / С.И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : МГОГИ, 2013. – 251 с.
33. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – Москва: РГГУ, 2008. – 360 с.
34. Медушевский, А.Н. История русской социологии / А.Н. Медушевский. – Москва: Высшая школа, 1993. – 320 с.
35. Мильков, В.В. Осмысление истории в Древней Руси / В. В. Мильков. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : АЛЕТЕЙЯ, 2000. – 382 с.
36. Милуков, П.Н. Очерки истории исторической науки / П. Н. Милуков. – Москва : Наука, 2002. – 539 с.
37. Морозов, В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / В.В. Морозов. – Москва: Индрик, 2005. – 288 с.
38. Мягков, Г.П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования / Г.П. Мягков // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. – 2011. – Т. 34. – С.206–214.
39. Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества / М.В. Нечкина. – Москва: Наука, 1974. – 635 с.
40. Новикова, Л.И. Русская философия истории. Курс лекций / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – 2-е изд., доп. – Москва: Аспект-Пресс, 1999. — 398 с.
41. Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной, М.А. Алпатова, Б.Г. Вебера и др. В 4 т. Т.3. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 830 с.
42. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / С.П. Бычков и др.; под ред. В.П. Корзун. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 683 с.

43. Покровский, М.Н. Избранные произведения: В 4 кн. / М.Н. Покровский. – Кн.4: Лекции, статьи, речи. Москва: Мысль, 1967. – 639 с.
44. Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 1: Отечественная история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов и Л.Т. Мильская. – Москва; Иерусалим: Унив. кн. : Gesharim, 2000. – 431 с.
45. Приселков, М.Д. История русского летописания XI–XV вв. / М.Д. Приселков. – Ленинград: Ленингр. гос. ун-т, 1940. – 188 с.
46. Рамазанов, С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 ч. / С. П. Рамазанов. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999–2000.
47. Репина, Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова; под общ. ред. Л. П. Репиной. – Москва: Дрофа, 2004. – 288 с.
48. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 802 с.
49. Румянцева, М.Ф. Теория истории. Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению "История" / М.Ф. Румянцева. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 316 с.
50. Русская историческая литература в классовом освещении: сборник статей / с предисл. и под ред. М.Н. Покровского. – Москва: Изд-во Коммунистической акад., 1927. – 422 с.
51. Рыбаков, Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи / Б.А. Рыбаков. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – 361 с.
52. С.Ф. Платонов и Самара: история и память: материалы и исследования / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман; науч. ред. П.С. Кабытов. – Самара : Самар. ун-т, 2015. – 90 с.
53. Савельева, И.М. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. / И. М. Савельева, А.В. Полетаев. – Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 1: Конструирование прошлого. – Санкт-Петербург:

Наука, 2003. – 631, [1] с.; Т.2: Образы прошлого. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 749 с.

54. Савельева, И.М. Теория исторического знания: Учеб. пособие / И. М. Савельева, А. В. Полетаев – Санкт-Петербург : Алетейя ; Москва : ВШЭ, 2008. – 522 с.

55. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории; отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аквилон, 2016. – 543 с.

56. Умбрашко, К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист / К.Б. Умбрашко. – Москва, 1999. – 292 с.

57. Успенский, Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси / Б.А. Успенский. – Москва: Яз. рус. культуры, 2000. – 124 с.

58. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990.

59. Черепнин, Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы / Л.В. Черепнин. – Москва: Мысль, 1968. – 383 с.

60. Черепнин, Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции, предшествующие ей летописные своды / Л.В. Черепнин // Исторические записки. – Т.25. – Москва – Ленинград, 1948. – С. 293–333.

61. Черепнин, Л.В. Русская историография до XIX века: Курс лекций. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 306 с.

62. Шахматов, А.А. История русского летописания / А.А. Шахматов. – В 2 т. – Санкт-Петербург: Наука, 2002–2011.

63. Шахматов, А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А.А. Шахматов. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – 372 с.

64. Шикло, А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого / А.Е. Шикло. – Москва: Изд-во МГУ, 1981. – 223 с.

65. Шмидт, С.О. О предмете советской историографии и некоторых принципах ее периодизации / С.О. Шмидт // История СССР. – 1962. – № 1. – С. 94–104.

66. Эйдельман, Н.Я. Последний летописец / Н.Я. Эйдельман.
– Москва: Книга, 1983. – 174 с.

67. Эммонс Т. Ключевский и его ученики / Т. Эммонс // Вопросы истории. – 1990. – № 10. – С. 45–61.

Учебное издание

Леонтьева Ольга Борисовна

**ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В РОССИИ: ДО 1917 Г.**

Учебное пособие

Редакционно-издательская обработка
издательства Самарского университета

Подписано в печать 14.10.2025. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Печ. л. 7,25.

Тираж 120 экз. (1-й з-д 1-27). Заказ № . Арт. – 7(Р2УП)/2025.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443086, САМАРА, МОСКОВСКОЕ ШОССЕ, 34.

Издательство Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

